

СЕДЬМАЯ КНИГА

ЭНИ

Люси Монтгомери

ИЗ ГРИН-ГЕЙБЛЗ

Энни

Люси Мод Монтгомери

Энни из Грин Гейблз

«Седьмая книга»

1908

Монтгомери Л.

Энни из Грин Гейблз / Л. Монтгомери — «Седьмая книга»,
1908 — (Энни)

Искренняя, щемлящая, открытая и добрая книга! Это больше чем просто детский озорной роман, больше чем роман взросления – это настоящее знакомство с интересным добрым и хорошим человеком, с маленькой выдумщицей Энни из Грин Гейблз, той, что живет в глубине каждого из нас. Человек не может очень долго оставаться печальным в таком интересном мире, ведь правда?

© Монтгомери Л., 1908

© Седьмая книга, 1908

Содержание

Глава 1. Сюрприз для Миссис Линд	6
Глава 2. Сюрприз для Мэтью Катберта	11
Глава 3. Сюрприз для Мариллы Катберт	19
Глава 4. Утро в усадьбе Грин Гейблз	23
Глава 5. История Энни	27
Глава 6. Марилла решает...	30
Глава 7. Энни читает молитвы	33
Глава 8. Воспитательный процесс начинается	35
Глава 9. Миссис Линд приходит в ужас	40
Глава 10. Энни приносит извинения	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Люси Монтгомери Энни из Грин Гейблз

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Сюрприз для Миссис Линд

Миссис Рейчел Линд проживала как раз недалеко от того места, где главная дорога Эвонли спускается в небольшую лощину, обрамленную ольховыми деревьями и кустарником, обильно усыпанным серёжками. Лощина эта пересекается ручьём, берущим своё начало в лесах старого Катберта. В верхнем течении водный поток – довольно бурный и, пока проходит через леса, изобилует водопадами и омутами, хранящими свои мрачные тайны. Но к тому времени, когда он спускается в лощину миссис Линд, это уже спокойный, «благопристойный» ручей с приятными манерами... Ибо даже ручей не мог бы миновать дверей миссис Линд, не отдав дань этикету! Вероятно, он прекрасно осознаёт, что миссис Линд, сидящая у окна, не спускает зорких глаз со всего движущегося, будь то ручей или ребенок; и уж если что-нибудь – не на месте, или появляется нечто необычное, – не успокоится до тех пор, пока не выведает «что», «зачем» и «почему».

В Эвонли и за его пределами предостаточно людей, которым удается прекрасно вникать в дела соседей за счет пренебрежения своими собственными; миссис Рейчел Линд же всегда являлась одним из тех способных созданий, которые извлекают выгоду даже из своих проблем и проблем ближнего своего! Она – живой пример для других домохозяек; работа её всегда выполнена и выполнена на все «сто». Эта достойная леди возглавляет швейный кружок, помогает в работе воскресной школе и слывёт «надеждой и опорой» обществ Поддержки Церкви и поборников Иностранной Миссии. И она ещё, помимо всего прочего, находит уйму времени для того, чтобы часами нести дозор у кухонного окна, обрабатывая стёганные одеяла, подбитые хлопковой тканью. «Она уже обработала шестнадцать (!) одеял», – благоговейно шепчутся домохозяйки в Эвонли. Всё это не мешает ей не спускать глаз с главной дороги, что пролегла через ложбину и взбирается по крутому склону красного холма вдали. И, так как Эвонли расположен на небольшом треугольном полуострове, вдающемся в залив Святого Лаврентия и омываемом с двух сторон водами, всяк входящий или выходящий из него должен приближаться к дороге на холме и «принять вызов» Рейчел Всевидящее Око.

Однажды, в начале июня месяца, она, по своему обыкновению, сидела у окна; полуденное солнце, по-летнему жаркое, светило особенно ярко. Фруктовый сад на склоне холма, облюбованный мириадами жужжавших пчёл, весь утопал в бело-розовом «невестинном» одеянии из лепестков. Томас Линд – кроткий маленький человечек, которого в Эвонли звали не иначе как «муж Рейчел Линд» – сеял свои семена поздней репы по ту сторону амбара на земляном участке на холме. А Мэтью Катберт должен был в это время засеять свои на большом красном поле у ручья, там, вдалеке, у Грин Гейблз... Так или иначе, миссис Линд знала, что должен, потому что слышала, как он говорил Питеру Морисону накануне вечером в магазине Вильяма Блейра в Кормоди, что вознамерился сеять репу в полдень следующего дня. Конечно, Питер первый спросил, ибо Мэтью Катберт никогда добровольно не выдавал информацию, касающуюся чего бы то ни было, из своей частной жизни.

И вот, этот самый Мэтью Катберт, в половине четвертого того же дня, безмятежно проезжал через лощину вверх, на холм; более того, он надел всё самое лучшее плюс белый воротничок-с – прямое доказательство того, что он покидал Эвонли. Он ехал в коляске с откинутым верхом, запряженной гнедой кобылой, – и это означало, что отправляется он далеко. Так куда же всё-таки собрался Мэтью Катберт и, главное, зачем?

Если бы на его месте оказался любой другой житель Эвонли, миссис Линд, искусно сопоставляя одно с другим, могла бы отыскать правдоподобный ответ на эти два вопроса. Но Мэтью чрезвычайно редко выбирался из дома и уж вовсе никогда не наносил визитов. Только что-то неотложное и необычайное могло сподвигнуть его на подобный выезд. Он казался стеснительнейшим из всех мужчин и терпеть не мог появляться среди чужих, где его вынуждали вести

«светские беседы». Белый воротничок и коляска с открытым верхом... Такое с Мэтью случилось нечасто! Размышляя над всем этим, миссис Линд всё-же никак не могла найти достойного объяснения, и это отравляло её полуденный отдых.

«Схожу-ка я в Грин Гейблз после чая и разузнаю у Мариллы, куда-это он отправился и зачем», – решила в конце-концов достойная женщина. – Обычно он не выезжает в город в это время года. Если у него истощился запас семян репы, стал бы он, чтобы его пополнить, разряжаться в пух и прах и выезжать на коляске? Он не достаточно торопится, чтобы попасть на приём к врачу. Значит, есть иная причина того, что планы его, со вчерашнего вечера, в корне изменились. Мне же ясно, только одно: мысли мои зашли в тупик, и не видать мне ни минуты покоя до тех пор, пока я не выясню, что заставило сегодня Мэтью Катберта покинуть Эвонли».

После чая Рейчел Линд привела в исполнение свой план. Ей не нужно было далеко ходить: огромный, беспорядочно выстроенный, окружённый садом дом Катбертов находился менее, чем в четверти мили вверх по дороге. Разумеется, длинная дорожка здорово отодвигала дом на задний план. Отец Мэтью Катберта, такой же стеснительный и молчаливый, как и сын, основал поместье таким образом, чтобы отгородиться от своих соотечественников, не удаляясь для этого в леса.

Усадьба Грин Гейблз, или попросту «Зеленые Крыши», была выстроена у самой дальней границы поместья, где она находится и поныне, едва заметная со стороны главной дороги. По сравнению с ней остальные дома в Эвонли – ну просто центр цивилизации... Миссис Линд вообще не назвала бы нормальной жизнью жизнь в таком месте. «Просто существование, – вот это что», – говорила она себе, шагая по взрытой глубокими бороздами, заросшей травой дорожке, вдоль которой росли кусты диких роз.

«Не мудрено, что Мэтью и Марилла – оба со странностями. Живут здесь в гордом одиночестве... Деревья? Ну что это за компания! Хотя оленям, пожалуй, и хватило бы, если б они тут были... По мне – лучше смотреть на людей! Разумеется, они вполне довольны; полагаю, это дело привычки! Как сказал один ирландец, тело ко всему привыкает, даже к петле»...

С этими мыслями миссис Рейчел Линд, дойдя до конца дорожки, вступила на задний двор усадьбы Грин Гейблз. Очень зелёным, чистым и аккуратным предстал пред ней этот двор, с одной стороны окружённый изогнутыми в виде полуарки ивами, а с другой – чопорными пирамидальными тополями. Ни соринки, ни пылинки, ни камушка не укрылось бы от взыскательного взора миссис Линд. Но их просто не было! И Рейчел Линд пришла к заключению, что Марилла Катберт подметает двор не реже, чем пол в доме. Можно было спокойно поднять и положить в рот кусочек съестного, без боязни вкусить в придачу комок грязи...

Миссис Линд громко постучала в кухонную дверь и вошла, как только её пригласили вовнутрь.

Кухня Грин Гейблз радовала глаз, – вернее, могла бы радовать, если б не удручающая сверхчистота, придававшая этой комнате вид нежилого помещения. Окна выходили на запад и восток; через одно из них, обращённое на запад, на задний двор, проникали потоки яркого света июньского солнца; а вот через живые «зелёные жалюзи» восточного окна, образованные хитрыми переплетениями густой виноградной лозы, время от времени мелькали то белый цвет вишен в саду, то стройные берёзы, чьи кроны шумели там, внизу в ложине, у ручья. Здесь-то и садилась обычно Марилла Катберт, если уж намеревалась отдохнуть основательно. Она слегка недоверчиво воспринимала солнечный свет, эдакий танцующий и, по её мнению, легкомысленный в мире, который заслуживал серьёзного отношения. У этого окна она сидела и теперь, рукодельничая; столик позади неё был сервирован для ужина.

Миссис Линд, прежде чем учтиво затворить за собой дверь, взяла на заметку особенности сервировки стола. Итак, Марилла поставила три тарелки, – значит, Мэтью привезёт к чаю гостя. Но посуда использовалась будничная, да и на сладкое подавались только варенье из «китайки» и кекс одного вида. Таким образом, не такая уж важная птица ожидалась в тот

день к ужину. Но как же белый воротничок Мэтью и коляска с открытым верхом? Рейчел Линд почувствовала, как мозг её затуманивается сомнениями, а тихая, ничем не примечательная усадьба Грин Гейблз окутывается облаком тайны.

– Добрый вечер, Рейчел, – живо поприветствовала вошедшую Марилла. – Не правда ли, дивный денёк? Не присядете ли? И, вообще, как там все ваши?»

Отношения, с самого начала сложившиеся между Мариллой Катберт и миссис Линд, за неимением иного слова, можно было бы назвать дружбой, несмотря на несхожесть их натур, а возможно и поэтому.

Марилла – высокая, худая и угловатая женщина, лишённая всякой округлости форм; её тёмные с проседью волосы всегда закручены вверх, в тугий пучок, увенчанный агрессивно воткнутой в него парой шпилек. Она производит впечатление особы ограниченной, с довольно узким кругозором, и, собственно, таковой и является. Но что-то недосказанное таится в уголках её губ, и хотя рот тоже ничем не примечателен, как и всё остальное, но он мог бы выдержать тест на наличие чувства юмора...

– Мы-то – в порядке, – ответила миссис Линд, – но я стала несколько беспокоиться за вас, гм... случайно увидев, как Мэтью куда-то сорвался сегодня. Я подумала, может к доктору...

Губы Мариллы расплылись в понимающей улыбке. Она ожидала прихода Рейчел Линд, так как догадывалась, что такой феномен, как колясочный выезд Мэтью, переполнит чашу терпения не в меру любознательной соседки...

– Нет, нет, я чувствую себя хорошо. Это вчера меня мучила головная боль, – сказала Марилла. – Мэтью отправился в Брайт Ривер. Мы забираем малыша из сиротского приюта в Новой Шотландии. Сегодня вечером он приедет поездом.

Даже, если бы Марилла сообщила, что Мэтью встречает в Брайт Ривере кенгуру, прибывающего из Австралии, миссис Линд не пришла бы в такое изумление. В течение пяти секунд она стояла, как громом поражённая. Едва ли Марилла решила подшутить над почтенной матроной, но та уже готова была заставить себя поверить в это.

– Вы это серьёзно? – выдавила она из себя, когда к ней вернулся дар речи.

– Разумеется, – кивнула в ответ Марилла, как если бы встречи питомцев сиротского приюта Новой Шотландии входили в план весенних полевых работ образцовых ферм, а не представляли собой неслыханное доселе новаторство.

Рейчел Линд чувствовала себя так, словно её ментально нокаутировали. Всё внутри кипело и бурлило. Мальчик!.. Не кто-нибудь, а Марилла и Мэтью Катберты берут малыша! Из сиротского приюта! Всё перевернулось вверх дном!! Чему же ещё удивляться после такого?! Да нечему!

– Да как это взбрело вам в голову? – сурово спросила она. Её мнения не выслушали, вот и заварилась каша...

– Ну, некоторое время мы поразмыслили над этим... Собственно, всю зиму думали, – последовало чистосердечное признание. – Жена Александра Спенсера гостила в наших краях в канун Рождества и поведала о своём намерении забрать весной девочку из приюта в Хоуптауне. Её кузина живёт там, и миссис Спенсер, побывав у неё, навела справки. С тех пор у нас с Мэтью только это и было на уме да на языке. Мы подумали, что лучше взять мальчика. Мэтью уже в годах, знаете ли, всё-таки шестьдесят. И он далеко не так бодр, как был когда-то. Его здорово беспокоит сердце. А вы знаете, как тяжело просить постороннего о помощи. От маленьких французских сорванцов проку мало: бьёшься денно и нощно над этими глупыми недорослями, а они, как только оперятся, сбегут в Иностраннный легион или в Штаты. Вначале Мэтью предлагал взять арабчонка. Но я, не переставая, твердила: «Нет!» И вовсе не потому, что арабы плохие, – я этого не говорю, – но стоит ли наводнять Лондон арабскими уличными мальчишками? Так что я сказала, – нам нужен по-крайней мере уроженец Канады. Тогда я буду спать спокойно, – просто гора с плеч свалится! Хотя, кого бы мы ни взяли, мы всё равно рис-

куем. В конце концов, миссис Спенсер было дано задание присмотреть для нас мальчонку, когда она поедет за своей малышкой. Мы слышали, она собиралась туда на прошлой неделе, так что мы намекнули ей через родню Ричарда Спенсера из Кармоди, что ждём к нам проворного, подающего надежды мальчишку лет десяти-одиннадцати. Мы рассудили, – это лучший возраст: в самый раз для домашних работ и рановато для обучения той или иной профессии... Мы надеемся, у нас он будет чувствовать себя как дома и получит хорошее воспитание. И вот, приходит телеграмма от миссис Спенсер: почтальон принёс её со станции, объявив, что они приедут на поезде сегодня вечером в пять тридцать. И Мэтью поспешил в Брайт Ривер встречать их. Миссис Спенсер оставит его там, а сама отправится дальше, до станции Уайт Сэндз.

Миссис Линд не зря гордилась своим живым умом: он и теперь напряжённо работал, пытаясь всё «разложить по полочкам» и дать оценку потрясающим новостям.

– Ну, Марилла, должна сказать вам прямо, – не дело вы затеяли! Всё это довольно-таки глупо, к тому же рискованно. Вы не подозреваете, на что идёте. Вводите чужого ребёнка в свою семью и дом и... ничего о нём не знаете! Что за люди его родители? Каков его нрав? И каким он в конце концов окажется? Вам ничего не известно! Одна семья – муж с женою из западной части острова – вот так же взяли мальчонку-сироту, – я читала об этом в газете на прошлой неделе, – а он возьми да подпали ночью дом... И заметьте, Марилла, сделал это нарочно и почти сжёг их заживо в собственных кроватях! А ещё я знаю один случай, когда приёмный сынок высасывал яйца и, невозможно было отучить его от этого. Если бы вы, Марилла, спросили моего совета, чего вы не сделали, я бы вразумила вас, чтобы вы, ради всего святого, и не подумывали об этом!

Казалось, эта «запоздалая головомойка» ничуть не оскорбила Мариллу и не встревожила её. Она продолжала спокойно вязать.

– Не отрицаю, в ваших словах есть доля правды, Рейчел. У меня-то, допустим, возникли сомнения. Но Мэтью стоял на своём, и я сдалась... Он ведь так редко настаивает на чём-либо; так что считаю своим долгом уступать в таких случаях! А что касается риска, то он присутствует почти всегда в этом мире. Иметь собственных детей, если уж до этого доходит, ведь тоже риск: никогда не известно, что из них вырастет... И потом Новая Шотландия – совсем рядом с островом. Мы же не из Англии или Штатов его забираем! Он не должен слишком уж отличаться от нас.

– Ну, надеюсь, всё обойдется, – сказала миссис Линд, и интонации её ясно свидетельствовали о том, как она в этом сомневается. – Только не говорите потом, что я не предупредила вас, если малец спалит Грин Гейблз или подложит, не ровен час, стрихнину в пищу. Помнится, в Нью-Брансвике был подобный случай. Приютский ребёнок это-таки сделал, и вся семья скончалась в страшной агонии... Только в том случае это была девочка, а не мальчик!

– Ну, мы-то не девочку забираем! – парировала Марилла, как если бы отравленная еда могла быть делом рук лишь маленьких девчонок, но ни в коей мере не мальчиков. «Никогда не взяла бы на воспитание девочку. Удивительно, что миссис Спенсер делает это! Но, знаете ли, уж если ей втемяшится в голову, она хоть целый приют возьмёт к себе!»

Миссис Линд очень хотелось дожидаться возвращения Мэтью с «импортируемым» ребёнком. Но, поразмыслив, она решила, что остаётся ещё добрых часа два до его приезда, и неплохо было бы подняться по дороге вверх, к Роберту Беллу, и рассказать соседям о событии дня. Это стало бы той ещё сенсацией, а миссис Линд обожала производить их. Так что, почтенная дама откланялась, к некоторому облегчению Мариллы, ибо под влиянием пессимистичного настроения миссис Линд, сомнения и страхи в хозяйке Грин Гейблз вновь возродились...

... – Вот это уж действительно случилось! – воскликнула миссис Рейчел, оказавшись в безопасности на дорожке. – Мне кажется, что я сплю! Конечно, жаль маленького сироту, но Мэтью с Мариллой понятия не имеют о том, что такое дети! Они ожидают эдакого мудрого, степенного, словно его собственный дедушка, малыша. А вдруг его дед таким никогда и не

был?! Ребёнок в Грин Гейблз – это нечто сверхъестественное; усадьба никогда не видела детей, ибо Мэтью и Марилла давно выросли к тому времени, когда её достроили. Если они вообще когда-либо были маленькими, – сейчас в это поверить трудно тому, кто на них посмотрит. Самой-то мне никогда не приходилось носить сиротскую обувь, но вот его мне жаль, вот что!

Всю эту речь Рейчел Линд произнесла от полноты своего сердца для розовых кустов; но если б она могла сейчас увидеть это дитя, терпеливо ожидавшее на станции в Брайт Ривере, когда его заберут, её сострадание стало бы ещё глубже и полнее.

Глава 2. Сюрприз для Мэтью Катберта

Мэтью Катберт и гнедая кобыла благополучно преодолели восемь миль до Брайт Ривера. Хорошая дорога пролегла вдоль фермерских построек; время от времени коляска проезжала то мимо немногочисленных бальзамических пихт, то спускалась в низины, где дикие сливы стояли в цвету, как в лёгкой дымке. Воздух был напоён сладким ароматом яблоневых садов; а, между тем, «птички пели так, словно лето продлится всего лишь один день»...

Мэтью нравилось ехать так, как ему заблагорассудится, кроме тех моментов, когда он встречал на своем пути женщин и вынужден был кивать им в знак приветствия, не зависимо от того, знакомы они ему или нет: таков обычай на Принс-Эдвард-Айленде.

Мэтью побаивался всех женщин за исключением Мариллы и миссис Линд; у него возникало неприятное ощущение, что эти таинственные создания втайне посмеиваются над ним. Возможно, отчасти он и оказывался прав, полагая, что это так, ибо выглядел чужаковато. Нескладный, с длинными волосами серо-стального цвета, ниспадавшими на сутулые плечи, с длинной темно-каштановой бородой, которую отпускал лет с двадцати... В общем и целом, в двадцать он выглядел так же, как в шестьдесят, и только волосы в его шестидесятилетнем возрасте уже почти утратили свой металлический отлив.

Когда он прибыл в Брайт Ривер, там не было информации о каких-либо поездах вообще. Он подумал, что ещё слишком рано, привязал лошадь во дворе небольшого брайтриверского отеля и пошёл к зданию станции. Длинная платформа была почти пустынна; за исключением лишь одного живого создания – маленькой девочки, примостившейся на груди кровельной драни – на ней никого не было. Мэтью, сразу заметивший девочку, поспешно обошёл её, стараясь не смотреть на дитя. А если б он отважился взглянуть, то несомненно не мог бы не заметить на её лице напряжённого выражения и даже некоторое отчаяние. Она сидела в ожидании кого-то или чего-то; и поскольку делать больше было нечего, старалась изо всех сил сидеть и ждать.

Мэтью наткнулся на запиравшего билетную кассу начальника станции, которому не терпелось скорее вернуться домой к ужину. Мэтью осторожно высказал предположение, что вероятно скоро следует ожидать прибытия полустетичасового поезда.

– Да он же прибыл полчаса тому назад! – удивленно молвило это ответственное должностное лицо. И для вас специально высадили одного пассажира – маленькую девочку. Она сидит там – на груди драни... На мое предложение подождать в комнате ожиданий для дам, она важно ответила, что предпочитает оставаться снаружи. «Здесь больше простора для воображения», – заявила она. Ну и штучка, скажу я вам!»

– Но я жду вовсе не девочку, – смущенно пробормотал Мэтью. – Я приехал за мальчиком. Он должен быть здесь. Мы надеялись, миссис Спенсер привезёт его для нас из Новой Шотландии...

Начальник станции присвистнул.

– Полагаю, здесь какая-то ошибка, – сказал он. – Миссис Спенсер сошла с поезда вместе с этой девочкой и сдала её мне из рук в руки. Сообщила, что вы и ваша сестра забираете её из сиротского приюта, и что сейчас вы будете вместе с ней. Вот и всё, что мне известно. И здесь поблизости не прячется ни одна другая сирота...

– Не понимаю, – беспомощно развёл руками Мэтью, сожалея, что Мариллы нет рядом, чтобы прийти на выручку.

– Вы бы лучше расспросили девочку, – беззаботно предложил начальник станции. – Уверен, уж она-то сможет объяснить. У неё острый язычок, это точно. Может быть, мальчишек того сорта, какого вам хотелось, не было!» С этими словами он, тщетно борясь с чувством голода, заторопился восвояси, и злополучному Мэтью пришлось действовать в одиночку. Ему легче было бы взять за грудки молодого льва в клетке, нежели приблизиться к девчонке – странной

девчонке – девчонке из приюта – и потребовать у неё ответа, почему она – не мальчик? Мэтью тяжело вздохнул, развернулся на месте, собираясь с духом, и медленно поплёлся по платформе к девочке, которая не спускала с него глаз с тех пор, как увидела, и сейчас, не отрываясь смотрела на него. Мэтью же на неё не смотрел, а если бы даже и взглянул ненароком, то не смог бы понять, кто перед ним.

Обыкновенный наблюдатель заметил бы, что ребенок – лет одиннадцати – одет в слишком короткое, слишком тесное полушерстяное платье отвратительного желтовато-серого цвета. На голову ей нахлобучили коричневую, бесформенную бескозырку, из под которой выбивались и падали на спину толстые косички определенно рыжего цвета. Её личико – маленькое, бледное и худое – густо покрывали веснушки; рот казался большим, как и глаза, которые в зависимости от освещения и настроения, становились то зелёными, то серыми.

Всё это не укрылось бы от обыкновенного наблюдательного человека; сверхнаблюдатель же добавил бы к этому списку острый, резко очерченный подбородок, и что глаза – живые и одухотворённые, рот – чувственный и выразительный, а лоб – широкий и высокий. Короче, наш проницательный экстра-наблюдатель, возможно, пришёл бы к заключению, что неординарная душа населяет это тело – тело бедствующего ребёнка-женщины, которого так нелепо стеснялся Мэтью. Он, однако, всячески оттягивал выполнение тяжёлой повинности – вступления в разговор. Ибо как только девочка пришла к выводу, что он и есть тот человек, который забирает её, она поднялась и тоненькой, коричневой ручонкой вцепилась в ручку потёртого, старенького саквояжа; остальное она предоставляла ему.

– Полагаю, мистер Мэтью Катберт с Грин Гейблз это вы? – спросила, наконец, она особенным, чистым и приятным голосом. – Очень рада вас видеть! Я, было испугалась, что вы не придёте за мной... Представьте, какие картины того, что могло бы воспрепятствовать вашему приезду, рисовало моё воображение! Я уже подумывала обустроить себе ночлег, вскарабкавшись вон на ту огромную дикую вишню по другую сторону просёлочной дороги... Я не боюсь! И потом это ведь классно, – провести ночь под белоснежным покрывалом лепестков такой вот вишни, в лунном сиянии, не правда ли? Вы никогда не представляли себя, живущим в мраморных залах? Нет? Знаете, я вовсе не сомневалась, что вы приедете за мной если не сегодня вечером, то уж точно завтра утром.

Мэтью неуклюже взял за руку эту худышку; к тому времени он уже успел опомниться. Не мог он сказать вот этому дитя с сияющими глазами, что произошла ошибка. Лучше привезти её домой, и пусть Марилла сама сделает это. О том, чтобы оставить её в Брайт Ривере, не могло идти и речи. Мало ли, какая ошибка совершена, – все вопросы-ответы подождут до возвращения в Грин Гейблз.

– Мои извинения за то, что опоздал, – кротко сказал он. – Идёмте со мной... Лошадь ждёт во дворе. Позвольте ваш саквояж.

– О, да я донесу его! – с воодушевлением откликнулся ребёнок. – Он совсем не тяжёлый. В нём все мои сокровища, но он лёгкий, как пух. К тому же, если его не нести, как нужно, у него вываливается ручка; так что лучше его понесу я, потому как знаю некоторые хитрости обращения с ним. Это – допотопный саквояж. О, какое счастье, что вы пришли, хотя неплохо было бы поспать на той дикой вишне!.. Мы поедем далеко, ведь так? Миссис Спенсер говорила, расстояние около восьми миль. Я даже рада: люблю езду! Как здорово, что я буду жить с вами! Теперь я – ваша. А раньше я была ничья... но приют – это самое худшее из всего! Я провела в нём лишь четыре месяца, но и этого оказалось достаточно!.. Возможно, вы не сможете понять, что это такое. Это ещё хуже, чем вы себе представляете. Миссис Спенсер выговорила мне за то, что я так отзываюсь об этом заведении, но... вовсе я не испорченная! Впрочем, легко поступать плохо, не подозревая об этом, – что правда – то правда. В общем, он не плохой, этот народец в приюте. Но только для игры воображения там маловато места. Может в других приютах его и больше. А как здорово сочинять разные небылицы о них! Например, кто знает, а

вдруг девочка, сидящая рядом со мной – дочь настоящего графа, похищенная в младенчестве злой няней, которая отошла в мир иной, так и не успев исповедаться?! Я бодрствовала все ночи напролёт, потому что днём времени у меня не хватало, чтобы выдумывать подобные истории. Полагаю, поэтому я такая худая... Я ведь... просто тощая, не так ли? Кожа да кости! Люблю представлять себя эдакой в теле, с ямочками на локтях, словом, приятной полноты...

Юная леди окончила на этом свою речь, отчасти потому что у неё от ходьбы перехватило дыхание, а отчасти потому, что они приблизились к коляске. Она не произнесла больше ни единого слова, пока они не выехали из посёлка. Они ехали по маленькому крутобокому холму, причём дорога настолько глубоко взрезала его, что земляные борта на несколько футов возвышались над их головами. А кругом росли дикие вишни и стройные белые берёзки.

Девочка протянула руку и сломала веточку дикой сливы, касавшуюся коляски.

– Разве она не прекрасна? О чём вы думаете, глядя на это склонившееся к нам дерево? Всё точно из белого кружева? – спросила она.

Ну, я не знаю... – пробормотал Мэтью.

Но почему же? О наряде невесты, конечно! И о ней самой, ведь это дерево – будто невеста, всё в белом и в лёгкой, почти прозрачной... фате! Никогда не видела ничего подобного, но ведь представить себе можно всё! Я, конечно, и не надеюсь когда-нибудь стать невестой. Я ведь такая невзрачная, кто же захочет на мне жениться? Разве что, какой-нибудь иностранный миссионер. Мне кажется, иностранные миссионеры не слишком разборчивы... Но всё же я не теряю надежды, что когда-нибудь на мне окажется вот такое же белое платье! Это – мой идеал земного блаженства! Ну и... я просто обожаю красивые наряды. А их у меня, сколько я себя помню, никогда не было. Да и вперёд незачем забегать, ведь правда? В конце концов, можно представить себе любой наряд. Сегодня утром, когда я покидала приют, мне стало ужасно стыдно за себя, потому что пришлось одеть это противное полушерстяное платье. Вы знаете, это сейчас как бы униформа нашего приюта. Один торговец из Хоуптауна безвозмездно передал приюту прошлой зимой три сотни ярдов полушерстяной ткани. Ходили слухи, что он просто не мог продать её, но, думаю, это было сделано от чистого сердца. Когда мы сели в поезд, я чувствовала себя так, словно все вокруг меня жалели! Но сразу же заработало воображение и одело меня в красивейшее бледно-голубое платье из шёлка. Надо же всегда представлять что-нибудь стоящее! Воображение моё живо нарисовало широкополую шляпу с перьями, золотые часы, детские перчатки и ботиночки. И всё это было на мне! Понарошку, конечно... Всю дорогу меня не покидало приподнятое настроение, и поездка приносила удовольствие. Во всём своём величии я доехала до острова. Даже на судне меня ничуть не мучило. И миссис Спенсер – тоже, хотя обычно её всегда тошнит. Она сказала, что для этого нет времени, поскольку она обязана приглядывать за мной, чтобы я не свалилась за борт. Она сказала, что мне запрещается разгуливать по судну там и сям. Но если это предотвращает её «морскую болезнь», почему бы и не побродить по нему?! А ещё мне хотелось впитать в себя как можно больше впечатлений, пока я на борту. Вдруг иной возможности и не представится? Ах, сколько же вишен в цвету! Этот остров – просто процветает! Я уже в него влюбилась; и какое счастье здесь жить! Всегда слышала со всех сторон, что Принс-Эдвард-Айленд – красивейшее место в мире. Я воображала, что живу на нём, но в действительности... даже и не мечтала, что это когда-нибудь произойдёт. Чудесно, когда то, что рисует воображение, становится реальностью, не правда ли?... А те красные дороги очень забавны. Когда мы сели в поезд на станции Шарлотта-Тауна, и начали мелькать эти красные дороги, я спросила миссис Спенсер, почему они такие.

Но она ответила, что понятия не имеет, и вообще, с неё довольно вопросов на сегодня. А их было, по её скромным подсчётам, не менее тысячи. В общем, по-моему, эта цифра не слишком преувеличена. Но всё-таки, как докопаться до истины, если не задавать вопросов?... Так что же делает эти дороги красными?

– Ну, я не знаю, – протянул Мэтью.

– Над этим стоит подумать на досуге. На свете столько всего неизведанного, над чем нужно поразмыслить! Счастье – жить в таком интересном мире!.. Каким скучным бы он казался, не будь в нём неизвестного! Уж тогда точно не осталось бы места для воображения. Но... не много ли я болтаю? Люди вечно делают мне замечания. Может, вы предпочитаете, чтобы я молчала? Только скажите, и я сейчас же прекращу разговоры! Я могу остановиться, когда нужно, хотя это и очень трудно.

Мэтью, к своему изумлению, с большим удовольствием слушал девочку. Как и большинству тихонь, ему нравились речистые люди, когда те болтали сами по себе и не втягивали и его в разговор. Но он не ожидал, что ему придётся по душе общество маленькой девочки. Женщины достаточно плохи во всех отношениях, а девчонки – ещё хуже. Он терпеть не мог их манеру робко обходить его стороной, бросая косые взгляды, как если бы опасались, что он слопаёт их, стоит им только рот раскрыть. Эти благовоспитанные трусихи жили в Эвонли... Но маленькая веснушчатая плутовка сильно отличалась от них, и хотя следить за быстрым ходом её мыслей медлительному Мэтью было тяжеловато, он с удовольствием слушал это щебетание.

– Говорите столько, сколько тебе заблагорассудится, – сказал он этой малышке, как всегда кротко.

– О, я так рада! Я знала, что нам понравится быть вместе. Такое облегчение говорить, когда кто-то тебя слушает! И когда этот кто-то не подчеркивает всякий раз, что дети должны быть видны, а не слышны... Мне говорили это миллионы раз, стоило лишь только завести беседу! И люди смеются надо мной, ведь я употребляю «взрослые» слова. Но если у кого-либо большие идеи, он должен использовать звучные слова. Правильно?

– Ну, с этим нельзя не согласиться, – кивнул Мэтью.

– Миссис Спенсер заявила, что мой язык, должно быть, без костей... Какие уж там «кости»; но он свободен, к сожалению, лишь впереди... Миссис Спенсер упомянула, что название вашей усадьбы – Грин Гейблз. Я всё выпрашивала у неё, что это за место. И она сказала, что там кругом деревья. Я просто просияла! Обожаю деревья! А вокруг приюта росло всего-то несколько чахлах кустов, и больше – ничего. Эти кусты, а может это были и жалкие деревца, сами выглядели, как сиротки... Я даже плакала при виде их, и говорила: «Ах вы, бедняжечки! Если бы вы росли в огромном лесу, среди других деревьев и мхов, и колокольчиков, – многие растения нашли бы приют на ваших корнях, ручеек бежал бы рядом, птицы пели бы в ваших кронах, – вот тогда вы бы выросли! Но здесь вы не можете. Я знаю наверняка, как вы себя чувствуете, деревца!» Мне жаль было расставаться с ними сегодня утром. Я так к ним привязалась! Кстати, а ручей течёт где-нибудь неподалёку от Грин Гейблз? Забыла задать этот вопрос миссис Спенсер.

– Ну, есть один, внизу, рядом с домом.

– Фантастика! Всегда мечтала жить у ручья! Но... никогда не думала, что мечта осуществится! Ведь мечты не часто становятся явью, не так ли? Не правда ли было бы здорово, если бы они сбывались? Сейчас я чувствую себя почти счастливой. Почему «почти»? Взгляните, какого цвета это!» – Она закинула одну из своих блестящих кос через худенькое плечо и подняла кончик её прямо к глазам Мэтью, который не слишком хорошо разбирался в цветах и оттенках дамских локонов, но в этом случае никаких сомнений не возникало.

– Рыжего, не так ли? – сказал он.

Девочка перебросила косу за спину со вздохом, исходившим откуда-то из глубины души и вырвавшимся наружу, унося с собою, казалось, все скорби человечества...

– Д-да, она рыжая, – сказала девочка обречённо. – Теперь Вы понимаете, отчего я не вполне счастлива. У всех рыжих одна проблема – в том, что они рыжие! Другое меня мало волнует: веснушки, зелёные глаза, худоба... Я могу стереть их из своего воображения. И представить, что цвет лица у меня – как цвет лепестков розы, а глаза – как звёзды, к тому же фиалко-

вые... Но вот огненные волосы мои никак не хотят стираться из воображения. Я стараюсь изо всех сил и говорю себе: «Теперь у меня чёрные, великолепные волосы цвета воронова крыла». Но в то же время я точно знаю, что они – рыжие, и это разбивает моё сердце! Этот «крест» я пронесу через всю свою жизнь... Однажды мне попался роман о девушке, которая тоже несла свой крест, но дело было отнюдь не в рыжих волосах: она была слишком красива! Её косы отливали чистым золотом, а чёлка касалась алебастрового лба. Вы не знаете, как это понимать – «алебастрового лба»? Не могу найти ответа на этот вопрос. А вы не знаете его?

– Ну, вообще-то, боюсь, что нет, – сказал Мэтью. У него начиналась головная боль... Он чувствовал себя точно так же, как однажды в дни «бурной молодости», когда знакомый парнишка затащил его на карусель во время пикника.

– Ну, что бы это ни было, это было нечто хорошее, потому что она отличалась небесной красотой. Вы можете представить, как это – чувствовать себя красоткой?

– Н-нет, не могу, – признался Мэтью чистосердечно.

– А я могу! Я часто это делаю! Если б вам предоставили выбирать, кем бы вы хотели быть – совершенным красавцем умницей или человеком ангельской доброты?

– Ну? теперь уж я и впрямь не знаю.

– Вообще-то, я тоже. Невозможно сделать выбор. Да и какая разница, если ни красавицей, ни умницей я никогда не стану. И я – не ангел, – говорит про меня миссис Спенсер. Она мне сказала... ой, мистер Катберт! Мистер Катберт!! Мистер Катберт!!!

Конечно, миссис Спенсер говорила совсем другое. Нет, ребёнок вовсе не вывалился на землю, да и Мэтью не позволил бы себе отколоть какой-нибудь «номер». Просто они описали дугу на коляске и перед их глазами предстало «авеню».

«Авеню», как называли эту часть дороги жители Нью-Бриджа, протянулось на четырёхста-пятьсот ярдов и представляла собой своеобразный «остров», весь засаженный яблоневыми деревьями. «Авеню» основал несколько лет назад один эксцентричный пожилой фермер. Белые лепестки словно слились, образуя единый, благоухающий «полог» над этим садом. А под «пологом» разливался багровый закатный свет, и солнце, дарившее последние отблески уходящему дню, напоминало гигантскую розетку соборного придела.

Красота эта, казалось, глубоко потрясла девочку. Она откинулась назад в коляске, сжала пальцы тоненьких рук, и подняв повыше голову, восторженно пожирала глазами всё это «белое великолепие». Даже тогда, когда они миновали чудесное место и преодолевали длинный спуск к Нью-Бриджу, она сидела, не подавая признаков жизни. На её лице всё ещё сияло восхищение, и когда она смотрела вдаль, на зажжённый закатом запад; перед её глазами, на этом волшебном фоне, чередой проходили видения... Через Нью-Бридж, маленький, полный суеты городок, в котором собаки заливались лаем им вслед, мальчишки улюлюкали, а из окон выглядывали всякие забавные физиономии, проехали всё так же молча.

Позади остались ещё три мили – ребёнок хранил молчание... Очевидно, девочка могла делать это с тем же энтузиазмом, как и когда говорила.

– Полагаю, вы очень устали и голодны, наверно, – рискнул, наконец, нарушить затянувшуюся паузу Мэтью, приписывая внезапный «приступ немоты» только этим двум причинам, – другое, просто не могло прийти ему в голову, – но нам осталось совсем не много! Всего около мили!

Она вышла из своей глубокой задумчивости и глубоко вздохнула; взгляд её был затуманенным: душа её всё ещё спускалась со звезд...

– О, мистер Катберт, – прошептала она. – То место, которое мы проехали-то, белое место – что это было?

– А, должно быть, вы это об «авеню», – протянул Мэтью после секундного размышления. – Да, красивое местечко.

– Красивое? Не то слово! И даже не просто великолепное, а – чудесное! Единственное из всего того, что я видела, превосходящее моё воображение. Я получила полное удовлетворение! – Она положила руку на грудь. – Я словно в состоянии опьянения! Но это – приятно! Когда-нибудь вам приходилось чувствовать себя подобным образом, мистер Катберт?

– Ну, сейчас я что-то не могу вспомнить.

– Со мной такое частенько происходит. Когда я встречаю нечто, воистину прекрасное! Но они не должны называть то место «авеню». Это ничего не значащее имя. Они должны дать ему другое название. Ну, скажем, э... Белоснежный Путь Восторга. Не правда ли, очень образно? Когда мне не нравятся названия мест или имена людей я всегда придумываю что-нибудь своё, и с тех пор только так их и называю. Одну девочку в приюте звали Генсиба Дженкинс, но я всегда представляла её с другим именем, как Розалию де Верé. Остальные пусть называют то место «авеню», но для меня оно навсегда останется Белоснежным Путём Восторга. Так нам действительно осталась только миля? Я и рада и не рада этому. Не рада, потому что путешествие было таким хорошим, а мне всегда жаль, хотя я и знаю, что всё хорошее когда-нибудь кончается. Конечно, в один прекрасный день ты можешь увидеть что-нибудь и получше, но это ещё не факт. В любом случае, так плохо расставаться с хорошим! Ведь правда?... Но я рада тому, что мы вскоре окажемся дома! С тех пор, как я себя помню, у меня никогда не было настоящего дома. Мысль о том, что я буду жить дома, снова опьяняет меня. Как же это чудесно!

Они въехали на гребень холма. Внизу виднелся длинный, со своеобразными «излучинами», пруд, который скорее напоминал реку. С начала моста, перекинутого через этот пруд, открывался вид на его дальний песчаный крутой берег. Эта своеобразная «пограничная полоса» холмов совершенно янтарного цвета, отделяла пруд от синевшего внизу морского залива; на водной поверхности мелькали цветные пятна самых разнообразных оттенков; цвета крокуса и розы внезапно сменялись светло-изумрудными и такими, для которых, кажется названий ещё и вовсе не найдено. Аппендикс пруда, неподалёку от моста, вдавался в пихтово-кленовый лесок, сумрачные тени которого придавали беспокойной поверхности воды тёмный цвет. И здесь, и там длинные сливы склонялись к пруду с берега, точно стоявшие на цыпочках девушки в белых одеждах, залюбовавшиеся своим отражением. В заболоченной части пруда мощным, сладкоголосым хором пели лягушки. Среди яблоневого цвета в саду, на холме, виднелся серый домик, и хотя ещё достаточно не стемнело, свет струился из одного из его окон.

– Это пруд Берри, – сказал Мэтью.

– Думаю, такое название ему не подходит... Сейчас придумаю что-нибудь... гм... например, Озеро Сверкающих вод. Да, пожалуй, это то, что надо. Я узнаю это по трепету. Когда имя правильное, я вся начинаю трепетать. А Вы когда-нибудь трепещете перед чем-нибудь?

Мэтью задумался. – Ну да, бывает, меня аж в дрожь бросает, когда я вижу, как мерзкие белые личинки копошатся среди огуречных грядок... Не выношу один вид их!

– О, не думаю, что дрожь эта одной природы с моей. А вы полагаете, это не так? Разве могут личинки сравниться с озёрами?! Но почему же другие называют это озеро «прудом Берри»?

– Я считаю потому, что мистер Берри проживает вон в том доме. Название его усадьбы – «Очард Слоуп» («Фруктовый сад на склоне»). Если б не тот огромный куст позади домика, вы смогли бы увидеть отсюда Грин Гейблз. Но мы проедем мост, и дорога завернёт. А вообще, осталось полмили отсюда.

– А у мистера Берри есть девочки? Ну, не такие уж маленькие, – моего возраста?

– Да, есть одна. Её зовут Диана.

– О, – затаив дыхание, прошептала она, – какое прекрасное имя!

– Право, не знаю. По-моему, в нём есть что-то варварское. Я бы предпочёл такие деликатные имена, как Джейн или Мэри, или что-то вроде того. Но когда родилась Диана, у Берри столовался один школьный учитель, так что они предоставили ему назвать девочку.

– Хотелось бы, чтобы где-нибудь поблизости тоже находился какой-нибудь учитель, когда родилась я... О, мы едем по мосту!.. Зажмурю-ка я покрепче глаза. Боюсь езды по мостам. Не могу отринуть от себя роковой образ... мне видится, как мы подъезжаем к середине моста, а он вдруг складывается, как перочинный ножик, и вместе с нами... Так что я уж лучше закрою глаза. Но на середине моста я их открою, и всегда буду открывать, так как мне хочется увидеть, как он сложится, если сложится... Какой забавный звук он издаст при этом, наверное! Свист или что-то вроде того. И мне бы это понравилось. Разве не здорово, что на свете множество всего такого, что мы любим?!.. Так, мы приехали. Надо оглянуться назад. Спокойной ночи, дорогое Озеро Сверкающих вод! Я всегда желаю, словно людям, спокойной ночи тем вещам или местам, которые люблю. Думаю, им это нравится. Вот и озеро будто улыбается мне!

Когда они въехали на холм и завернули за угол, Мэтью сказал: – Ну вот, мы почти дома. Вот там – Грин Гейблз.

– О, не показывайте мне, – быстро перебила она его, хватая за поднятую было руку и, зажмуриваясь, как если бы она не видела его жеста. – Попробую угадать! Знаю, у меня это получится.

Она открыла глаза и оглянулась вокруг. Они вновь оказались на гребне холма. Солнце уже село за горизонт, но окрестности всё ещё хорошо просматривались, освещённые последним отблеском заката. На западе темнел высокий шпиль собора на фоне пурпурного закатного неба. Внизу виднелась лощина, а за ней она увидела пологий склон, по которому были рассеяны аккуратные фермы. Детский взор заметался по ним, полный надежды и лёгкой грусти. В конце концов, он остановился на далеко расположившемся слева от дороги матово-белом доме с садом в белом цвету, на фоне темневшего леса. Над ним, на юго-западе, в кристально чистом небе светилась алмазным светом путеводная звезда надежды и счастья...

– Вот она, не так ли? – воскликнула девочка, показывая жестом руки усадьбу.

Мэтью довольно подхлестнул вожжами кобылу.

– Молодец, вы отгадали! Но, полагаю, миссис Спенсер описала её вам.

– Да нет, вовсе она этого не делала. Всё, что она мне рассказывала, могло бы быть отнесено к любой другой усадьбе. Я не имела точного представления о том, как она выглядит. Но стоило мне её увидеть, я поняла – это мой дом! О, не снится ли мне всё это? Знаете, моя рука повыше локтя, должно быть, вся посерела от синяков. Столько раз я уже щипала себя в течение сегодняшнего дня! Всякий раз, когда у меня вдруг начинало ныть в груди из-за боязни, что я вижу сон; я делала это до тех пор, пока не сообразила, что пусть уж лучше он мне снится, как можно дольше. И я прекратила себя щипать. Но всё это – не сон, и мы почти дома!

Восторженно вздохнув, она вновь впала в молчание. Мэтью неловко пошевелился. Хорошо, что это всё-таки не он, а Марилла вынуждена будет сказать этому «Гаврошу в юбке», что напрасно она надеялась найти здесь свой дом. Они проехали Линдз Холлоу – лощину миссис Линд, – на которую уже спустились сумерки. Но ещё не было достаточно темно, чтобы миссис Линд не смогла увидеть со своего пункта наблюдения у окна, как они въезжают на холм. Вот уже проехали достопамятную дорожку Грин Гейблз. Когда они прибыли в усадьбу, Мэтью поймал себя на том, что с непонятной для него самого удвоенной энергией, представил себе неотвратимый откровенный разговор с девочкой. Нет, он не думал ни о Марилле, ни о себе, ни обо всех тяготах ситуации, в которой они оказались. Он словно сам переживал горькое разочарование, которое неминуемо испытает эта девочка. Когда он живо представил себе, как погаснет восторг в этих глазах, у него возникло неприятное чувство, как если бы он готовился принять участие в убийстве. Подобные ощущения всегда присутствовали, когда он должен был

зарезать ягнёнка или телёнка, или любое другое невинное создание. Они вошли во двор, когда стало уже совсем темно, наступая на упавшие то там, то здесь шелковистые тополиные листья.

– Послушайте, как деревья разговаривают во сне, – прошептала девочка, когда они поднимались по ступенькам. – Ах, какие прекрасные, должно быть, эти сны!

Затем, прижимая к себе «все сокровища мира», уместившиеся в саквояж, она последовала за Мэтью в дом.

Глава 3. Сюрприз для Мариллы Катберт

Марилла быстро устремилась навстречу, как только Мэтью распахнул дверь. Но когда перед ней предстала тонкая, маленькая фигурка в уродливом платье, девчонка с длинными рыжими косами и горящими глазами, она остолбенела.

– Мэтью, кто это? – воскликнула она. – Где же мальчик?

– Там не было мальчиков, – вид Мэтью был жалок. – Там была только она. – Он кивнул в сторону девочки, вспомнив, что даже не спросил, как её зовут.

– Не было мальчиков! Но, по крайней мере, один-то там должен был быть, – сурово сказала Марилла. – Мы же просили миссис Спенсер привезти нам мальчика.

– Ну, она этого не сделала. Вместо этого она привезла вот её. Я расспросил начальника станции и вынужден был привезти её сюда! Не мог же я бросить её на месте, какая бы ошибка не произошла!

– Хорошенькое дельце! – снова воскликнула Марилла. Всё это время девочка не проронила ни слова; взгляд её переходил с одного на другую, а лицо всё так и светилось. Она не понимала смысла происходившего. И вдруг её осенило. Уронив свой ценный саквояж, она шагнула вперед, всплеснув руками.

– Вы... Вы не хотите брать меня!.. – Она вдруг разревелась. – Я не нужна вам потому, что я не мальчик! Какая я дура! Никому никогда не было до меня дела. Можно было догадаться, – эта сказка всё равно не продлилась бы долго! Да, да, я никому не нужна! Что же мне делать? Остаётся только лить слёзы!

И из глаз её действительно полились потоки слёз. Упав на стул возле столика, безвольно опустив на него руки, она спрятала в них своё, мокрое от слёз лицо, и продолжала плакать навзрыд. Марилла и Мэтью обменялись неодобрительными взглядами через кухонную плиту. Они не знали, что и сказать. Наконец, Марилла решила положить конец этой безобразной сцене.

– Ну, ну, для слёз нет причины.

– Нет, есть! – девочка быстро подняла голову, и они увидели её залитое слезами лицо. – Вы тоже заплакали бы. Губы её сильно дрожали. «Представьте себе, что вы – сирота, и вас приводят в дом, но не желают оставлять в нём потому, что вы – не мальчик. Ничего более трагичного никогда со мной не случилось!»

Некоторое подобие улыбки появилось на доселе угрюмом лице Мариллы. Впрочем, улыбка эта, – за отсутствием практики, Марилла, видно, позабыла, как нужно улыбаться, – была довольно кислой.

– Не плачьте же, хватит! Мы же не собираемся сегодня выставить вас за дверь! Вы остаётесь с нами до тех пор, пока мы не выяснили, что к чему. Как ваше имя?

Ребёнок мгновение колебался.

– Зовите меня, пожалуйста, Корделией!

Лицо её вновь воодушевилось.

– Звать вас Корделией? А это действительно ваше имя?

– Н-н-нет, не совсем. Но я мечтаю, чтобы меня так звали. Не правда ли, элегантное имя?

– Уж и не знаю, что у вас на уме! Если Корделия – не ваше имя, зачем же нам звать вас так? Как ваше настоящее имя?

– Энни, Энн Ширли, – неохотно, запинаясь, выдавила из себя обладательница этого имени. – Но, прошу вас, называйте меня Корделией. Не всё ли вам равно, как звать меня, раз я долго здесь не задержусь? А Энн – такое обыкновенное имя!

– Всё это – обыкновенная чепуха! – сказала Марилла с неприязнью в голосе. – Энн – отличное имя, и вам нечего стесняться его.

– О, я вовсе не стесняюсь, – воскликнула девочка. – Но только Корделия мне нравится больше. Я всегда представляла, что меня зовут Корделией, по крайней мере, в последние годы. Когда я была маленькой, мне хотелось, чтобы меня звали Джеральдина. Но сейчас я хочу быть Корделией! Если хотите, зовите меня, конечно, Энни, но только, пожалуйста, не Энн.

– Да, собственно, какая разница-то? – недоуменно спросила Марилла, снимая чайник с огня. На лице её появилось очередное подобие улыбки.

– О, разница огромная! «Энни» звучит гораздо красивее. Когда произносят чье-либо имя, разве оно не высвечивается у вас в мозгу, будто отпечатанное? Со мной именно так и происходит. «Энн» – как-то не звучит, а вот Энни – куда более значительное имя. Если вы будете называть меня Энни, не упуская последние два звука «н» и «и», – я смогу примириться с тем, что я – не Корделия.

– Отлично, Энни, с «н» и «а», можете вы объяснить, почему произошла эта... гм... подмена? Мы же просили миссис Спенсер, через людей, привезти нам мальчика. В вашем приюте были мальчики?

– О, да, целая куча. Но миссис Спенсер сказала вполне определённо, что вам нужна девочка лет одиннадцати. И наша заведующая решила, что я подхожу. Не представляете, в какой восторг я пришла! От радостного возбуждения я не спала всю последнюю ночь. – И она добавила укоризненно, поворачиваясь к Мэтью: – Ну почему вы не сказали мне правду, что я вам не нужна, и вы оставляете меня там, на станции? Если бы я не увидела Белоснежного Пути восторга и Озера Сверкающих вод, мне было бы куда легче!

– А это-то что ещё такое? – Марилла вопросительно уставилась на Мэтью.

– Да так, она просто вспоминает один наш дорожный разговор, – поспешно ответил Мэтью. – Марилла, я пойду, поставлю лошадь в стойло. Надеюсь, чай будет готов, когда я вернусь.

– А кроме вас миссис Спенсер привезла ещё кого-нибудь? – продолжала допрашивать девочку Марилла, когда Мэтью вышел.

– Лили Джонс она взяла для себя. Ей всего пять лет, и она очень хорошенькая. У неё блестящие каштановые волосы! Если бы я была очень красивой, с... каштановыми волосами, вы бы оставили меня?»

– Нет. Нам нужен парень, чтобы помогал Мэтью на ферме. От девочки какой прок? Можете снять... э... шапчонку. Я положу её и этот ваш саквояж на столе в холле.

Энни покорно стянула с себя давно утратившую форму бескозырку. Вернулся Мэтью, и они сели ужинать. Но Энни не могла есть. Она лишь чуть-чуть поклевала хлеба с маслом да, взяв яблочного варенья из раковинообразной стеклянной вазочки, размазала его по тарелке. Едок из неё был никудышный.

– Да вы ничего не едите! – протянула Марилла и взглянула на бедняжку так, словно открыла в ней новый дефект.

Энни вздохнула.

– Не могу. Я вне себя от отчаяния. Вот вы хотите есть, когда у вас горе?

– Я бы сказала, что никогда не приходила в отчаяние, – парировала Марилла.

– Это вы серьёзно? Ну, тогда представьте себя на моём месте...

– Не хочу.

– Тогда вам трудно понять, что со мной происходит. А чувствую я себя просто отвратительно. Начинаешь есть, но комок подступает к горлу, и ты чувствуешь, что проглотить уже ничего не можешь... Даже шоколадную карамель! Два года назад я попробовала шоколадную карамельку. Она была такая замечательно вкусная! С тех пор мне часто снится, что у меня их много – этих шоколадных карамелек, – но я всякий раз просыпаюсь именно в тот момент, когда собираюсь их съесть. Так что не обижайтесь на меня: сейчас кусок в горло не идет! Всё – замечательно вкусное, просто я не могу есть.

– Думаю, она устала, – сказал Мэтью, и это была его первая фраза с тех пор, как он поставил лошадь в конюшню. – Отведи-ка её в постель!

Марилла стала подумывать, куда бы уложить Энни. Вообще-то она постелила на кухне, но ведь они ожидали, что приедет мальчик. И хотя там было чисто и уютно, возможно, не стоило класть туда девочку. Но не помещать же эту приبلудную девицу в гостевую комнату! Значит, остаётся только комнатка в восточной части дома. Марилла зажгла свечу и скомандовала, чтобы Энни следовала за ней, что та беспрекословно и сделала, забирая по пути бескозырку и саквояж. Гостиная, казалось, блестела от чистоты. А восточная комнатка была и того чище.

Марилла поставила свечу на треножник и сняла покрывало.

– Полагаю, у вас имеется ночная рубашка? – сухо спросила она.

– Даже две, – охотно ответила Энни. – Заведующая приютом сама сшила их для меня. Они страшно обуженные. В приюте вообще мало места, так что вещи там узкие. По-крайней мере, в таком бедном приюте, как наш. Но, можно одинаково сладко спать и в них, и в роскошных ночнушках с оборочками. И в этом – утешение.

– Ну, поскорее раздевайтесь и – в постель. Через несколько минут вернусь за свечой... Опасно вам, детям, доверять свечи: ещё подожжёте дом, чего доброго!

Когда Марилла вышла, Энни с тоской осмотрелась вокруг. Окрашенные в белый цвет стены были совершенно голыми. И белизна бросалась в глаза и Энни со страхом представила, что эти голые стены вдруг заболевают... Они ведь, наверное, не очень уютно себя чувствуют... безо всего! И пол тоже – голый; если не считать мохнатого коврика, – таких Энни ещё никогда не видела, – на нём ничего не лежало. В одном углу стояла кровать, высокая и старомодная, с четырьмя тёмными, низко-посаженными столбиками. В другом углу помещался, если можно так выразиться, треугольный треножник, вид которого весьма оживляла красная, бархатная подушечка для булавок; причём самые «упорные» из них не так легко было вытащить... Над треножником висело маленькое зеркало, размером, примерно, шесть-на-восемь. Окно, с белоснежной муслиновой занавеской, находилось на полпути между треножником и кроватью. Напротив помещался умывальник. Аскетизм этой комнаты невозможно было передать словами. Энни даже поёжилась. Слезы снова навернулись ей на глаза и, зарыдав, она сбросила одежду, натянула узкую ночную рубашку и легла под одеяло с головой, уткнувшись в подушку.

Когда Марилла вернулась за свечой, единственным доказательством того, что в комнате есть кто-то ещё, была груда не совсем свежих вещей, большей частью разбросанная по полу, да уже «обжитой» вид постели.

Она осторожно подняла вещи, аккуратно разложила на жёлтом стуле и затем, взяв свечу, направилась к постели.

– Доброй ночи, – сказала она несколько суховато, но без неприязни в голосе.

Над одеялом мгновенно возникло белое, с огромными глазами, личико Энни.

– Как может быть она «доброй», когда на самом деле, это – самая ужасная ночь в моей жизни?» – с грустью сказала она, бросив укоризненный взгляд на Мариллу. Затем она снова исчезла под одеялом. Марилла ушла на кухню и продолжила мытьё посуды, оставшейся после ужина. Мэтью курил, что считалось верным признаком его взволнованного состояния. Он редко это делал, ибо Марилла всегда воротила нос и говорила, что курение – дурная привычка. Но при определённых состояниях души, он брался за трубку, и Марилле приходилось закрывать на это глаза. Что поделаешь, если мужчины – такие «нежные создания», и для их эмоций нужен хоть какой-то выход.

– Да, весёленькая история, – сказала она гневно. – Вот что случается, когда понадеешься на знакомых, да не сделаешь всё самостоятельно. Думаю, это родня Ричарда Спенсера всё перепутала. Завтра один из нас съездит к миссис Спенсер. Эту девочку нужно отослать обратно в приют.

– Да, полагаю, так было бы правильно, – с неохотой ответил Мэтью.

– «Было бы», «полагаю», – передразнила брата Марилла и раздражённо продолжала: – Что ж ты не знаешь наверняка?

– Послушай, Марилла, она – прекрасный ребёнок. Жаль снова забирать её отсюда, ведь девочка так настроилась жить здесь!

– Не хотите ли Вы этим сказать, Мэтью, что думаете оставить её с нами?! – изумлению Мариллы не было границ. Она удивилась бы меньше, если б в Мэтью вдруг обнаружилось пристрастие к стоянию на голове.

– Ну, в общем, полагаю, не совсем так, – запинаясь, сказал Мэтью, прижимаясь к стене, как бы ища опоры. – Думаю, едва ли мы смогли бы это сделать.

– Вот именно!.. Зачем она нам?

– Но... мы должны с ней, знаешь ли..., по-доброму! – неожиданно сказал Мэтью.

– Мэтью Катберт, ясно, как день: ты хочешь оставить этого ребёнка! И чем она околдовала тебя, эта девчонка?

– Ну, в общем, она – очень интересная, – как бы в своё оправдание, и в то же время упрямо, заявил он. – Послушала бы ты её разговоры, когда мы возвращались со станции!

– Да, язычок у неё подвешен... Я сразу её раскусила. Но это – не в её пользу. Не нравятся мне дети, которые много болтают. Даже если бы я и решилась на то, чтобы взять девочку, – эта – вовсе не в моём вкусе. В ней есть что-то непонятное. Нет, её надо прямо отправить туда, откуда она явилась.

– Я мог бы нанять какого-нибудь французского парня, чтобы помогал мне, – робко заметил Мэтью, – а она составит тебе компанию...

– Очень нужна мне компания, – проворчала Марилла, – и, тем более, её компания.

– Ну, как скажешь, Марилла, – сказал Мэтью, поднялся, отложил трубку и заявил: – Пошёл я спать.

Отправился на боковую Мэтью, и Марилла легла в кровать, как только перемыла всю посуду, всё больше хмурясь и решительно поджимая губы. А наверху, в восточной комнатке, тихо плакал одинокий, никому не нужный ребёнок, и даже сон улетал от него прочь...

Глава 4. Утро в усадьбе Грин Гейблз

В окно уже проникал яркий солнечный свет, когда Энни, всё же уснувшая той ночью, проснулась и приподнялась на постели в смущении. День сиял, и на фоне чистого голубого неба плыли лёгкие, жемчужные облака.

В первый момент она не сразу сообразила, где находится. Первое, что она увидела, была хорошенькая, трепещущая занавеска на окне. И вдруг, нахлынули ужасные воспоминания о вчерашнем дне. Она ведь в Грин Гейблз, и не нужна им потому, что не мальчик...

Но, всё же, утро заглядывало в окно, под которым в полном цвету стояла вишня. Девочка толкнула скользкую раму, но она не поддавалась, как если бы её не открывали сто лет; приложив максимум усилий, Энни всё же открыла окно. Эту, на редкость неподатливую раму, впрочем, не надо было ничем подпирать. Энни встала на колени и заглянула в июньское утро, которое вновь зажгло восторгом её глаза. О, разве здесь не прекрасно? Какое чудесное место! Неужели же её не оставят?! Ей очень захотелось представить, что она поселится именно здесь. Благо, для воображения оказалось достаточно места.

Огромная вишня, что росла внизу под окном, касалась своими могучими ветвями стен дома. И под снежно-белым покровом лепестков не было видно листы. Дом словно утопал в садах, яблоневом и вишнёвом, – тоже белых в эту пору цветения. Среди травы, то там, то сям, виднелись золотые головки одуванчиков. С ветерком дерзко врывался в окно головокружительный запах сирени, росшей в саду, всей усыпанной цветами.

Дальше по склону зеленело поле; местами на нём произрастал роскошный клевер. А ещё ближе к лощине, по берегам ручья, белела берёзовая рощица, казавшаяся эфемерной на фоне папоротников, мхов и больших деревьев. Далее шла небольшая зелёная горка с пушистыми ёлками и пихточками. А за ней, через овраг, виднелся самый кончик серой крыши того маленького домика, что на Озере Сверкающих вод. Слева от него Энни разглядела несколько больших амбаров, а за ними зелёные поля спускались к ослепительно сиявшему синему морю.

Глаза Энни жадно впитывали в себя всю эту красоту. Она, за свою короткую детскую жизнь, предостаточно насмотрелась всего безобразного. Бедный ребёнок!, но это чудо превосходило даже её представление о прекрасном. Маленькая мечтательница долго стояла, коленопреклонённая и равнодушная ко всему, за исключением чудесной панорамы, открывавшейся перед её глазами. На плечо ей легла рука Мариллы, неслышно подошедшей сзади.

– Пора одеваться, – коротко сказала она. Марилла на самом деле не знала, как говорить с ребёнком, и это неведение не доставляло ей особого удовольствия. От этого речь её была лаконичной и, вместе с тем, сухой.

Энни поднялась с колен и глубоко вздохнула.

– Разве всё это не прекрасно? – восторженно сказала она, широким взмахом руки как бы пытаясь обнять чудный мир, лежащий за окном.

– Да, большое дерево, – констатировала Марилла. – на нём всегда полно цветов, а вот ягоды все – маленькие и гнилые».

– Да нет же, я не об этой вишне; конечно, она также очень хороша – ну просто блистательно прекрасна. Ей как бы предназначено цвести здесь. Но я имею в виду всё: сад и ручей, и деревья в лесу, – весь этот огромный мир там, внизу, который невозможно не полюбить таким прелестным утром... Я слышу сейчас, как смеётся ручей! Вы знаете, на что способны ручьи? Они всегда смеются! Даже зимой, подо льдом! И я это слышу. Как хорошо, что рядом с Грин Гейблз пробегает ручей! Возможно, Вы подумаете, какая мне, собственно, разница, если всё равно никто не собирается оставлять меня здесь. Но разница есть! Я запомню навсегда, что в Грин Гейблз есть этот ручей, даже если мне не придётся снова его увидеть! И если б вдруг его не оказалось, меня неотступно преследовала бы мысль о том, что он должен здесь быть.

Сегодня утром я уже не в таком отчаянии, как вчера. Грустные мысли как-то не лезут в голову по утрам. Просто так славно, когда наступает утро, и страшные ночные кошмары исчезают на задний план. Но, так или иначе, мне грустно. Только что я представила, что именно меня-то вы и ждали, и что на все времена это место станет моим домом. Пока я мечтала об этом, мне было так хорошо! Но когда мечта покидает тебя, – потом становится так больно!

– Вы бы лучше оделись да спустились вниз. И выбросите все эти глупости из головы, – сказала Марилла, как только пришла в себя после этого длинного монолога девочки.

– Завтрак – на столе. Умойтесь и причешите волосы... Окно можете не закрывать! Сверните использованное постельное бельё. И... будьте умницей!

Энни, судя по всему, могла «быть умницей», ибо не прошло и десяти минут, как она спустилась вниз, аккуратно одетая, с косами, заплетёнными умелой рукой. На её чистом, вымытом лице было написано полное удовлетворение от того, что она выполнила все указания Мариллы. Единственное, что она позабыла сделать, это свернуть использованное постельное бельё.

– Ужасно проголодалась, – заявила она, скользнув в кресло, специально поставленное для неё Мариллой. – Мир уже больше не кажется мне сплошным кошмаром, как вчера вечером. Какое счастье, что утро такое солнечное! Впрочем, дождливые утра я тоже очень люблю. Всё на свете интересно, не так ли? И не известно, «что день грядущий нам готовит». Здесь уж настоящий простор для воображения! Но это замечательно, что сегодня нет дождя, так как солнечным днём легче сносить все невзгоды судьбы. Я чувствую, что справлюсь с ними! Всегда доставляет удовольствие чтение о тех, кто преодолевает препятствия. Начинаешь представлять себя эдакой героиней. Но вот в самой жизни невзгоды что-то не воодушевляют меня...

– Умоляю вас, попридержите язык, – сказала Марилла. – Вы слишком много говорите для такой маленькой девочки, какой вы являетесь.

Энни немедленно замолчала, и молчание это тянулось так сверхъестественно долго, что Марилла начала нервничать. Мэтью тоже молчал, но это было нормальное явление. Таким образом, завтрак прошёл при гробовой тишине.

Казалось, Энни целиком ушла в себя; ела механически и невидящими глазами смотрела на небо за окном. Это заставило Мариллу нервничать ещё больше. У неё возникло неприятное ощущение, что тело этой маленькой девочки пребывает за столом, а дух её улетел в заоблачные дали на крыльях воображения. Ну, кому на земле нужен такой ребёнок?! А Мэтью-то ещё хотел оставить её! Марилла чувствовала, что и теперь он хочет этого ничуть не меньше, чем вчера, несмотря на весь этот абсурд. Вот всегда так: если уж его заклинит на чём-нибудь, – он с удивительным упорством начнёт молчаливо добиваться выполнения своего каприза. И это молчаливое упорство в десять раз действеннее, нежели всякие разговоры.

После завтрака Энни вышла из полузабытья и предложила вымыть посуду.

– Вы можете это сделать прямо сейчас? – недоверчиво спросила Марилла.

– Конечно! Я неплохо этому научилась. Но ещё лучше я приглядываю за детьми! У меня большой опыт на этом поприще. Жаль, здесь нет детей, чтобы смотреть за ними.

– Не думаю, что мне хотелось бы иметь ещё больше детей! Вы и так наш «подарочек», во всех отношениях! Что с вами делать, ума не приложу! А Мэтью просто растяпа.

– А я думаю, он славный, – с упреком сказала Энни. – Он такой чувствительный, и потом не возражает, если я много говорю... Может, ему это нравится? Там, на станции, я с первого взгляда поняла, что мы – родственные души.

– Вы оба малость чудаковаты, – фыркнула Марилла. – Ладно, можете вымыть посуду! Добавьте побольше горячей воды и не забудьте насухо её вытереть, когда вымоете. На сегодня у меня куча дел, так как нужно ещё съездить в Уайтсендс навестить миссис Спенсер. Вы поедете со мной, и мы решим, что с вами делать дальше. После мытья посуды отправляйтесь наверх и застелите постель!

Энни достаточно умело вымыла посуду, как отметила про себя Марилла, державшая ситуацию под контролем. Но она лишь кое-как справилась с перьевым матрасом, поскольку никто раньше не учил её этому искусству. Затем Марилла отправила девочку на улицу, «с глаз долой», занять себя чем-нибудь до обеда.

Энни вспорхнула к двери с сияющим лицом и восторженными глазами, но на самом пороге она вдруг замерла, как вкопанная, потом медленно повернулась и направилась обратно к столу. Выглядела она как пришибленная, будто кто-то стёр с её лица весь восторг и потушил огонь, горевший в глазах.

– Ну что ещё такое стряслось? – раздражённо спросила Марилла.

– Мне не хочется выходить из дома, – сказала Энни страдальческим тоном, лишённым всяческих радостных ноток. – Если я не остаюсь здесь, зачем мне любить Грин Гейблз? Но если я побегу к этим деревьям, ручью, цветам и садам, познакомлюсь с ними, – я уже не смогу не полюбить их! И так тяжело, и не хочется всё усложнять. Мне бы страшно хотелось выйти наружу, и, кажется, всё зовёт меня: «Энни, Энни, иди сюда! Давай поиграем вместе!» – но лучше не делать этого. Зачем любить то, что уплывает от тебя, уплывает навсегда? Но... так трудно удержаться от того, чтобы не любить, не правда ли? Вот отчего я была на «седьмом небе», узнав, что всё это может стать моим домом! Думала, что ничто не воспрепятствует любить мне столько всего в этом месте!. Но сон оборвался... Я покорна судьбе... Так что не стоит мне выходить и снова бросать ей вызов!.. Кстати, как называется тот цветок у вас на подоконнике?

– А, это декоративная герань!

– Нет, нет, я не про то. Как вы зовете его? Разве вы не дали ему имени? Тогда можно, я назову его как-нибудь? Так, дайте подумать... Ага, Бонни подойдёт! Можно мне звать его Бонни, пока я здесь? Ну, пожалуйста!

– О, боже, ну мне всё равно! Но где это виданно, чтобы комнатную герань звали по имени?

– О, я обожаю давать предметам имена: это делает их похожими на людей!.. Откуда вы знаете, может быть растению обидно, что его называют просто «герань», а не по имени? Вот вам бы, к примеру, едва ли понравилось, если б кто-то всё время называл вас «женщина», а не по имени. Да, буду звать его «Бонни». А ту вишню под окном я назвала Снежная Королева! Потому что она – совершенно белая от цветов, будто из снега... Конечно, оно не всегда такое белое – это дерево, а только в период цветения. Но ведь можно представить, что оно вечно стоит в белоснежных одеждах!

– В жизни не сталкивалась ни с чем подобным, – бормотала Марилла, ретируясь в подвал за картофелем, подальше от этого маленького феномена, – она и впрямь интересная, как сказал Мэтью. Ловлю себя на том, что с нетерпением жду каждый раз продолжения её «историй». Она и меня околдовала, а Мэтью – ещё раньше. Тот взгляд, который он бросил на меня, говорил не менее красноречиво, чем вчера... Ах, если бы он был таким же, как остальные мужчины, прямо заявляющие о вещах, волнующих их!.. Тогда можно было бы и поспорить, и «уложить собеседника на обе лопатки!» Но что сделаешь, когда мужчина просто смотрит?

Энни вновь замечталась, спрятав подбородок в ладони и устремив взгляд в небеса. Такой её и застала Марилла, возвратившаяся из своего странствия в подвал. Пусть её посидит так до обеда!

– Мэтью, мне понадобятся кобыла и коляска! – сообщила брату Марилла. Мэтью кивнул и взглянул с состраданием на Энни. Марилла перехватила этот взгляд и сказала жёстко:

– Я собираюсь в Уайтсэндс, чтобы всё уладить. Возьму Энни с собой. Миссис Спенсер, вероятно, поспособствует в отсылке её обратно, в Новую Шотландию. Я вернусь домой вовремя, чтобы ты не остался без чая, и подою коров.

И так как Мэтью ничего не ответил, у Мариллы создалось впечатление, что она лишь понапрасну тратит слова. Что может быть хуже, чем мужчина, который не отвечает? Разве что женщина, которая отвечает!

Мэтью запряг кобылу в коляску без лишних слов, и Марилла с Энни уселись в неё. Когда он открывал для них ворота, чтобы коляска могла выехать со двора, им, безотносительно к кому-либо из дам, была обронена следующая фраза:

– Мальчуган Джерри Буоте с залива приходил сюда сегодня утром, и я пообещал, что найму его на лето.

Марилла ничего не сказала, но так подхлестнула несчастную кобылу, страдавшую на старости лет ожирением и не привыкшую к такому обращению, что та со свистом пронеслась по дорожке на ошеломляющей для неё скорости. Марилла, обернувшись, посмотрела назад и увидела, как расстроенный Мэтью прислонился к воротам. Взгляд его был полон сожаления.

Глава 5. История Энни

– Знаете, – сказала Энни доверительно, – я настроила себя так, чтобы получить удовольствие от этого путешествия. Собственный опыт мне подсказывает, что если заранее настроиться на удовольствие, – обязательно его получишь. Пока мы едем, я ни секундошки не стану думать о моём возвращении в приют. Буду занимать себя мыслями о езде. Ой, смотрите, какая чудесная ранняя дикая роза вон там! Наверно, это так приятно быть розой... Ах, если бы розы умели говорить! Они бы рассказали множество прекрасных историй!. И, не правда ли, розовый цвет – самый обворожительный в мире? Я люблю его, но не могу носить такие вещи. Рыжеволосые люди не носят розовый цвет даже в воображении. Кстати, вам не приходилось слышать о какой-нибудь девушке, чьи волосы были... такие же, как и мои, но... изменили цвет, когда она стала взрослой?!

– Нет, никогда о таком не слыхала, – немилосердно отрезала Марилла. – И, думаю, с вами такого не случится!

Энни тяжело вздохнула.

– Ну, значит, прощай, ещё одна надежда! «Жизнь моя – сплошное кладбище надежд!» Вообще-то, это не моя мысль: вычитала в одной книжке и теперь утешаю себя ею всегда, когда чем-то разочарована.

– Что-то, по-моему, не слишком утешительно! – буркнула Марилла.

– Да, но зато звучит так романтично, и я живо представляю себя на месте героини этой книги... Я без ума от романтических идей! А «кладбище надежд» – очень даже романтический образ. Хорошо, что я наделена воображением!.. А сегодня мы поедем через Озеро Сверкающих вод?

– Если вы имеете в виду пруд Берри, то – нет, сегодня мы едем другой – прибрежной дорогой.

– Ну, это тоже неплохо, – мечтательно сказала Энни. – Она так же хороша, как её имя? «Прибрежная» – это довольно красиво, так же, как и Уайтсендс. Но ничто мне не нравится так, как Эвонли. Звучит, словно музыка!.. А далеко ещё до Уайтсендса?»

– Добрых пять миль. И если вам охота «почесать язычок», лучше уж расскажите мне о себе.

– Да стоит ли об этом? – с жаром воскликнула Энни. – Вот если б вы позволили обрисовать мой вымышленный образ.

– Оставьте его при себе! Меня интересуют только голые факты. Начните с начала. Где вы родились и сколько вам лет?

– Одиннадцать исполнилось в марте, – скромно сказала Энни, со вздохом принуждая себя выдавать «голые факты». – А родилась я в Болинброке, в Новой Шотландии. Моего отца звали Уолтер Ширли. Он учительствовал в болинброкской школе. А маму звали Берта, Берта Ширли. Правда, Уолтер и Берта – классные имена? Как здорово, что они так красиво звучат! Какой ужас, если бы отца звали, к примеру, Джедедия.

– Какая разница, как зовут человека, – лишь бы вёл себя прилично, – назидательно заметила Марилла, обнаружив в себе тягу к чтению морали.

– Не знаю, не знаю, – сказала задумчиво Энни. – В общем-то я читала в одной книге, что как розу ни назови, – она всегда будет благоухать одинаково. Но меня одолели сомнения на этот счёт... Не думаю, что роза сохранит свой прекрасный образ, если её станут называть «чертополохом» или «бешеным огурцом»! Возможно, мой отец и остался бы хорошим человеком, даже если б все вокруг начали назвать его Джедедией? Но... может он раздражался бы больше!.. Что касается моей матушки, то она тоже учительствовала, но когда вышла замуж – перестала преподавать: отец мой содержал семью. Впрочем, миссис Томас говорила, что за

душой у этой пары романтиков не было ни гроша. Они проживали в обшарпанном жёлтом домишке в Болинброке. Я совсем не помню его, но тысячи раз себе представляла! Думаю, под окном росла жимолость, сирень – во дворе, а сразу за воротами – ландыши... Ну и, конечно, везде на окнах висели муслиновые занавески. Они создают такую тёплую атмосферу! Я родилась в том доме... Миссис Томас рассказывала, что была я такой невзрачной, худой и крохотной. Одни глаза, да и только! Но мама всегда считала меня очень красивой!.. А её мнению я доверяю куда больше, чем женщине, приходившей убираться у нас... Я рада, что доставила своей матери хоть какое-то удовольствие, и не так много разочарований, надеюсь!.. Жизнь её оказалась коротка. Умерла она от лихорадки, когда мне исполнилось три месяца. Как хотелось бы, чтобы она прожила подольше! Я ведь даже не успела выучиться слову «мама» и... назвать её этим именем! И отец мой скончался от лихорадки четырьмя днями позже! Так я осталась сиротой, и всё пошло прахом. Миссис Томас за голову хваталась, не зная, куда меня пристроить. Понимаете, никто даже тогда не хотел меня! Наверно, судьба у меня такая! И отец мой, и мать приехали издалека; никого в живых из родственников уже не осталось. Наконец, миссис Томас решила оставить меня у себя, хотя она была бедна, и на шее у неё «сидел» вечно пьяный муж. Она водила меня за руку. Не знаете, может, когда детей водят за руку, они становятся лучше? Дело в том, что как только поведение моё оставляло желать лучшего, миссис Томас недоумевала, почему я так испортилась с тех пор, как она водила меня за руку...

Мистер и миссис Томас перебрались из Болинброка в Мэрисвилль, и я жила с ними вплоть до восьмилетнего возраста. Я помогала присматривать за детьми миссис Томас, их было четверо, моложе меня. Должна сказать, они отбирали много энергии! Потом мистер Томас трагически погиб, попав под поезд, и его мать предложила миссис Томас с детьми поселиться у неё. Но меня она не хотела. Миссис Томас, сама на грани отчаяния, ещё должна была срочно искать пристанище и для меня. Так я и попала к миссис Хаммонд, которая жила на вырубке, что вверх по течению. Она согласилась взять меня, так как слышала про мой опыт ухода за детьми. Место это было довольно уединённое, среди выкорчеванных пней. Знаю, мне невыносимо стало бы там, не обладай я... богатой фантазией! Моя новая хозяйка имела восемь детей и владела небольшой лесопилкой. Что касается детей, то у неё было три пары близнецов! В общем, люблю детей, особенно на расстоянии... Но три пары близнецов, – это чересчур!.. Я так прямо ей и сказала, после того, как она разродилась последней парой... Они так меня утомили!

Два года я жила у миссис Хаммонд, но потом и её муж скончался, так что ей пришлось оставить обжитое гнездо и уехать в Штаты. Детей она распределила по родственникам, но, поскольку, меня опять никто не хотел брать, пришлось отправиться в приют в Хоуптауне. По иронии судьбы, и там меня никто не ждал. Приют был весь переполнен, но они всё-таки приняли меня, и я прожила там четыре месяца, до приезда миссис Спенсер». Со вздохом, на этот раз облегчения, Энни окончила свой рассказ. Она не очень-то хотела сообщать кому бы то ни было в этом, отвергающем её мире, о том, что пережила.

– А в школу вы когда-нибудь ходили? – строго спросила Марилла, поворачивая на прибрежную дорогу.

– В школу-то? Ну да, ходила немножко: последний год, пока была у миссис Томас. А когда жила на вырубке, мы вообще находились очень далеко от учебных заведений; до школы невозможно было добраться зимою, летом же она закрывалась на каникулы, так что я могла ходить только весной и осенью. Но, разумеется, приходилось посещать приютскую школу. Я неплохо читаю и знаю множество поэтических отрывков и стихотворений наизусть, например, «битву при Гогенлиндене», «Эдинбург после Флоддена» и «Бингем на Рейне». А ещё – кучу отрывков из «Озёрной Леди» и, почти полностью, «Сезоны» Джеймса Томпсона. Разве вас не охватывает трепет и вы не испытываете взлётов и падений, когда читаете поэзию? Меня аж прямо дрожь колотит, когда я раскрываю «Падение Польши», изучаемое в пятом классе. Конечно, я-то тогда училась ещё в четвёртом, но большие девочки давали мне иногда почитать.

– А те женщины, миссис Томас и миссис Хаммонд, хорошо с вами обращались? – спросила Марилла, искоса поглядывая на девочку.

– О-о-о!.. – в замешательстве воскликнула Энни, и чувствительное личико её всё вспыхнуло. – Они думали, что хорошо: знаю, они так старались! А когда люди думают, что делают добро, ты же не станешь вскипать, когда оказывается как раз наоборот, причём всякий раз... У них и так много своих проблем. Это ведь – большое наказание: иметь мужа-пьяницу и, возможно, три пары близнецов... Но я уверена, что они не хотели обижать меня.

Марилла больше ни о чём не спрашивала. Энни залюбовалась прибрежной дорогой, а она почти механически управляла кобылой, предаваясь раздумьям. В её сердце вдруг закралась жалость к этому ребёнку. Какая же у неё была безрадостная жизнь, у этой бедняжки, полная страдания, нужды и унижений. Марилла умела читать между строк и докапываться до истины. Не мудрено, что Энни так возрадовалась под крышей их дома, который уже считала своим. Всё-таки жаль, что нужно отправлять её обратно. А что, если она, Марилла, пойдёт на попятную и позволит ей остаться? Мэтью будет страшно рад; да, девчоночка эта – способная и совсем неплохая...

– Она, конечно, много болтает, – подумала Марилла, – но ведь от этого легко отучить. К тому же она, когда говорит, не употребляет жаргона и не грубит. Девочка воспитана, как леди. Вероятно, те, у кого она провела эти годы, были приличными людьми.

Прибрежная дорога оказалась пустынной и лесистой. Справа от неё сплотились в многолетней войне с морскими ветрами пихты. Слева виднелись красные песчаниковые кручи, местами столь близко расположенные от дороги, что любая, менее выносливая кобыла, чем гнедая, заставила бы людей, сидевших сзади, понервничать... Далее, неподалёку от этих круч, возвышались скалы и песчаные сланцы. Россыпями, точно драгоценные камни, лежала галька. А внизу сияло голубизной море. Над ними летали чайки, и кончики их крыльев серебрились в солнечном свете.

– Ах, как прекрасно это море, – прошептала Энни, пробуждаясь ото «сна с открытыми глазами». – Однажды, когда я ещё жила в Мэрисвилле, мистер Томас нанял фургончик, и мы провели незабываемый день на берегу, в десяти милях от нашего места. Мне понравилось каждое мгновение этого дня, несмотря на то, что одновременно я приглядывала за детьми. Тот берег часто отныне был в моих мечтах. Но этот берег – ещё красивее! А эти чайки... Как они хороши! Вы хотели бы быть чайкой? Я бы хотела. Если уж не девочкой – то чайкой! Просыпаться по утрам на рассвете... Камнем лететь вниз, к воде, а потом – взмывать вверх, в бездонное голубое небо!.. И так, весь день! А вечером лететь обратно, на гнездовье... Могу живо себе представить, как я всё это проделываю. Скажите, пожалуйста, что это за большой дом впереди?

– Это – местный отель в Уайтсендсе. Им владеет мистер Кёрк, но сейчас – не сезон. А вот летом в нём всегда полно американцев. Они считают, что этот берег – то, что надо.

– А я уж подумала, что здесь живёт миссис Спенсер, – сказала Энни печально. – Совсем мне не хочется сюда. Всё это очень похоже на конец света!

Глава 6. Марилла решается...

Добравшись до места назначения, они, однако, открыли «свой сезон», если так можно было выразиться. Миссис Спенсер проживала в большом жёлтом доме в Уайтсендс Коув и открыла им дверь с приветливо-недоумённым выражением на добродушном лице.

– Дорогие мои, – воскликнула она, – кого-кого, а вас-то я никак не ожидала сегодня в гости! Но мне очень приятно видеть вас. Вы завели лошадь во двор? А как вы, Энн, детка?

– Как и ожидалось, со мной происходит всё только хорошее, – сказала Энни грустно.

– Мы позволим кобыле немного отдохнуть, – сказала Марилла, – но я обещала Мэтью вернуться домой пораньше. Миссис Спенсер, произошла странная ошибка, и я приехала найти причину её. Мы, Мэтью и я, передали вам нашу просьбу: привезти мальчика из приюта. Мы попросили вашего брата, Роберта, передать вам эту весточку, и рассчитывали, что вы отыщете нам мальчика лет десяти-одиннадцати.

– Что вы такое говорите, Марилла Катберт?! Как это мальчика?! – воскликнула миссис Спенсер в изумлении. – Ведь Роберт сообщил мне через свою дочь, Нэнси, что вам нужна только девочка! Я правильно говорю, Флора-Джейн? – С этими словами она взглянула, как бы ища поддержки на свою дочь, спускавшуюся по ступенькам вниз.

– Определённо, мисс Катберт! – кивнула Флора-Джейн.

– Я ужасно сожалею, – сказала миссис Спенсер. – Всё это – сплошной кошмар; но вы видите, это не моя ошибка. Я ведь старалась следовать вашим предписаниям, хотя, оказывается, это была дезинформация. Эта Нэнси – очень ветреная девчонка. Сколько раз я бранила её за рассеянность!

– Мы сами во всём виноваты, – заявила Марилла. – Надо было самим приехать и передать такое важное сообщение прямо вам, а не через «испорченный телефон». Однако, раз уж произошла эта ошибка, надо бы её исправить. Мы можем отослать ребёнка обратно в приют? Полагаю, они примут её?

– Надеюсь, – сказала миссис Спенсер в раздумии. – Но, вероятно, в этом нет необходимости. Вчера ко мне заглянула жена Питера Блуэта, и она только и говорила о том, как хочется, чтобы и ей я привезла девчонку... Ей нужна девочка-помощница. У миссис Блуэт – большая семья, как вам известно, так что Энн ей как раз подойдёт. Здесь не иначе, как провидение.

Но Марилла не совсем была согласна, что это – вмешательство божественного провидения; и хотя ей представился удобный случай «сбыть никчемную сироту с рук», – особой радости она не почувствовала. Она знала миссис Блуэт лишь визуально; это была женщина невысокого роста, с неприветливым лицом и без единого лишнего килограмма веса. Марилла много о ней слышала разных рассказов. Говорили, что из неё – плохая работница, толком не умеющая управлять лошадью. Уволенные ею девушки рассказывали «страшные истории» о её вспыльчивости, язвительности и о её нахальных, вечно ссорящихся детях. Марилла почувствовала угрызения совести из-за намерения вверить Энни ей.

– С вашего позволения я зайду, и тогда мы поговорим, – сказала она.

– О, да это никто иной, как сама миссис Блуэт едет к нам по дорожке! – воскликнула миссис Спенсер, подталкивая гостей из прихожей в гостиную, где было холодно, как в склепе. Казалось, воздух, проникая через плотные, зелёные жалюзи, отдавал им всё тепло.

– Какая удача! Мы прямо сейчас всё и обсудим. Мисс Катберт, садитесь в кресло, а вы, Энн, на оттоманку, только старайтесь не ёрзать по ней. Сюда, пожалуйста, ваши головные уборы... Флора-Джейн, выйди-ка и поставь нам чайник! Добрый день, миссис Блуэт! Мы как раз говорили, что нам всем так повезло, что вы сейчас подъехали сюда... Прошу вас, познакомьтесь друг с другом. Миссис Блуэт, мисс Катберт... Я отлучусь на минутку. Забыла попросить Флору-Джейн вынуть булочки с изюмом.

Миссис Спенсер быстро удалилась, оставив представленных друг другу дам одних.

Молчаливо сидевшая на оттоманке Энни, до боли сцепившая пальцы рук и опиравшаяся ими о колени, не отрываясь, смотрела на миссис Блуэт. Так её передают во власть этой узколицей, узкоглазой женщины? Она почувствовала, как комок подступает к горлу, и глаза её увлажнились. Девочка боялась залиться слезами, когда вдруг снова вошла миссис Спенсер, такая сияющая и счастливая тем, что всё оборачивается как нельзя лучше.

– Кажется, произошла ошибка насчёт этой малышки, миссис Блуэт, – сказала она. – У меня создалось впечатление, что мистер и миссис Катберт хотели забрать из приюта девочку. Мне так и передали. а потом выяснилось, что нужен-то им мальчик!.. Так что, если планы ваши не изменились со вчерашнего дня, – думаю, девочка эта – стоящая».

Миссис Блуэт окинула взглядом Энни с головы до пят:

– Сколько вам лет и как ваше имя? – спросила она резко.

– Энни Ширли, мэм, – запинаясь, нечленораздельно ответила та, вздрогнув всем телом. – Мне одиннадцать.

– Гм! Не выглядишь на столько... Впрочем, ты крепкая, а это самое главное. Значит, если я тебя возьму, ты должна быть образцовой девочкой и уважать старших. Ты будешь сама зарабатывать себе на хлеб, и не заблуждайся на этот счёт. Да, думаю, я должна забрать её у вас, мисс Катберт. Дите ужасно капризное, это видно невооружённым глазом, но ничего, дурь-то мы из неё повыбьем. Если пожелаете, я возьму её с собой хоть сейчас!

Марилла взглянула на Энни и смягчилась, изучая это бледное личико, на котором застыло выражение немой покорности! Беспомощное маленькое существо, загнанное в угол! У Мариллы возникло неприятное чувство, что если она заглушит сейчас голос жалости, – она не простит себе этого до последних дней. Надо сказать, она не пришла в восторг от миссис Блуэт. Вручить тонкое, трепетное юное создание такой женщине?! Нет, подобную ответственность она не могла на себя взвалить.

– Ну, не знаю, не знаю, – медленно произнесла она. – Не могу утверждать, что мы с Мэтью уже окончательно всё решили. Фактически, Мэтью – за то, чтобы оставить её у нас. Я просто приехала за тем, чтобы выяснить, каким образом произошла эта ошибка. Думаю, нам с ней лучше сейчас уехать домой и поговорить с Мэтью снова. Не могу решить этот вопрос окончательно, не посоветовавшись с ним ещё раз. Если мы сойдёмся на том, что она у нас не останется, – мы отошлём или привезём её к вам завтра же вечером. А если нет, – значит мы решились на то, что она будет жить с нами. Вас устраивает такой вариант, миссис Блуэт?

– Да уж, придётся согласиться, – недобро ответила та.

По мере того, как говорила Марилла, лицо Энни всё больше озарялось отблесками закатного солнца. В начале с него исчезло скорбное выражение, затем на нём отразилась надежда, и её глаза раскрылись шире и засияли, как яркие звёзды. Эта метаморфоза казалась поразительной. Минутой позже, когда миссис Спенсер и миссис Блуэт вышли за неким рецептом, за которым, собственно, и приехала последняя, Энни вскочила, и, словно на крыльях, подлетела к Марилле.

– О, мисс Катберт, так вы говорили правду? Вы могли бы оставить меня в Грин Гейблз?! – прошептала она порывисто, как если бы разговор в полный голос не соответствовал её представлениям о важности момента. – Я не ослышалась? А может, это всё – мои фантазии?

– Думаю, вы бы лучше поучились их контролировать, Энни, если вы путаете реальность и игру воображения, одно с другим... – сухо сказала Марилла. – Вы слышали то, что слышали. И... не более того! Да, мы ещё не решили, но, вполне вероятно, что вы отправитесь к миссис Блуэт. Понятно, вы нужны ей больше, чем мне.

– Лучше я поеду обратно в приют, чем останусь у неё! – страстно воскликнула девочка. – Её взгляд просто буравит меня!

Марилла спрятала улыбку и сдвинула брови, полагая, что Энни не стоит «гладить по головке» за подобные речи.

– Маленькой девочке не пристало говорить в таком духе о взрослой, незнакомой леди, – пожурила она её. – Отправляйтесь на место, сидите тихо, не вступайте в разговор старших, словом, вообще ведите себя так, как приличествует ребёнку, хорошо воспитанному.

– Я сделаю всё, что вы захотите, если... если только вы оставите меня у себя! – серьёзно заверила Энни, потихоньку возвращаясь на свою оттоманку.

Когда они поздно вечером возвращались домой, Мэтью встретил их на дорожке. Марилла ещё издали отметила, что он бродит, как неприкаянный, и без труда угадала мотив. Она была готова увидеть облегчение на его лице, вызванное тем, что, по крайней мере, Энни вернулась обратно, в Грин Гейблз, и не была отослана. Но Марилла и словом не обмолвилась с братом относительно этого дела, пока они не пошли на задний двор, за амбар, доить коров. Там она вкратце поведала ему историю Энни и результаты беседы с миссис Спенсер.

– Я бы и собаки не отдал этой женщине! – с необычайной для него самой энергией сказал Мэтью, подразумевая миссис Блуэт.

– Да и я от неё не в восторге, – заметила Марилла. – Но нужно с этим смириться или... или оставить девочку у себя! И, так как я вижу, тебе бы этого хотелось, – я начинаю склоняться к тому, чтобы сделать это. Иду тебе навстречу! Здесь было, над чем подумать, Мэтью, прежде, чем дать на то своё согласие. Но это – обязанность, которую мы принимаем на себя. Никогда не воспитывала детей, а уж тем более – девочек. Должна сказать, я вся в сомнениях, Мэтью! Но я постараюсь. Пока я на ногах, – пускай остаётся.

Лицо Мэтью просияло.

– Готов побиться об заклад, Марилла, теперь ты увидишь её в новом свете, – она – такая интересная!

– Лучше б ты сказал мне, что она – «такая полезная», – поддразнила брата Марилла. – Но я буду заниматься делами, и поглядим, как она «впишется». И попробуй только помешать моим планам, Мэтью! Возможно, старая дева слабо разбирается в воспитании детей, но старый холостяк и вовсе ничего в этом не смыслит!.. Так что предоставь её воспитание мне, а у тебя и так найдутся поводы для того, чтобы опробовать свои методы.

– Давай, давай, Марилла, действуй! – подбодрил её Мэтью. – Только постарайся быть доброй с ней, не балуя при этом. Она принадлежит, думаю, к такому сорту людей, которые всё для тебя сделают, если полюбят.

Марилла фыркнула, выражая своё презрение по поводу домыслов Мэтью касаясь их, женского, и направилась в коровник вместе с вёдрами. Пока процеживала молоко на маслобойне, она сказала себе: «Не собираюсь говорить ей, сегодня, что она остаётся. Придёт в такое возбуждение, что и глаз не сомкнёт. Мой бог, ты ли это делаешь, Марилла Катберт? Кто бы мог подумать?! Да, всё это – как снег на голову: взять на воспитание девчонку из приюта!.. Но ещё более удивительно то, что у истоков всего этого стоял Мэтью, боящийся всех девчонок, как огня. Во всяком случае, мы – на пороге нового эксперимента, и один господь знает, чем закончится эта затея!»

Глава 7. Энни читает молитвы

Когда Марилла повела девочку наверх спать, она строго сказала: – Вчера я заметила, Энни, что вы разбросали одежду по полу, когда готовились ко сну. Это – очень нечистоплотная привычка и в моём доме – непозволительная. Как только вы снимете ту или иную вещь, сложите её аккуратно на стуле. От неопрятных девочек и вовсе нет никакого проку.

– Я так терзалась вчера, что не думала об одежде, – сказала Энни в своё оправдание. – Сегодня всё будет по-другому. Нас учили в приюте, как следует обращаться с одеждой. Временами, правда, у меня всё вылетало из головы, когда я торопилась нырнуть в кровать, чтобы поскорее насладиться игрой воображения.

– Теперь вам придётся быть внимательнее, если вы, конечно, останетесь здесь, – предостерегла Энни Марилла. – Вот это, уже – куда ни шло. Прочтите молитвы и – в кровать!

– Я... я никогда не читала молитв – заявила Энни.

Марилла взглянула на неё, потрясённая до глубины души.

– Как?! Что вы такое говорите, Энни? Вас никогда тому не учили?! Господу угодно, чтобы маленькие девочки, и не только, молились. Вы ведь знаете о Господе, Энни?!

– Бог – это духовное, бесконечное, вечное и неизменное начало мудрости, силы, святости, справедливости, добра и правды, – мгновенно отозвалась девочка, пуская в ход своё красноречие.

Марилла вздохнула с облегчением.

– Слава богу, кое-что вы уже знаете... Вы – не совсем пропащая душа. Где вы этому выучились?

– В воскресной школе, в приюте. Они заставляли нас учить весь катехизис, и мне это очень нравилось. В этих словах кроется нечто замечательное: «бесконечное», «вечное», «неизменное»... Это потрясающе! Столько гармонии, словно в органной музыке! Не стихотворение, но звучит не менее поэтично, вы согласны?

– Мы не о поэзии сейчас говорили, Энни, – давайте вернёмся к молитвам! Знаете ли вы, что это дурно – не читать молитвы перед сном? Вы – испорченный ребёнок!

– Когда у тебя рыжие волосы, конечно, проще быть плохой, чем хорошей... – слегка обиженно сказала Энни. – Люди с нормальным цветом волос и не знают настоящих проблем... Миссис Томсон говаривала, что Господь создал меня рыжеволосой со специальной целью, и я... немного дулась, прости, Господи. К тому же за день я так выматываюсь, что мне уже не до чего бы то ни было... Люди, на чьё попечение сбрасывают близнецов, едва ли находят время для вечерних молитв. А вы так не считаете?

Марилла решила, что религиозным воспитанием Энни нужно заняться немедленно. И так столько времени было потеряно!

– Пока вы под нашей крышей, вы должны молиться, Энни!

– Раз вы этого хотите, конечно, я буду, – кивнула Энни в знак согласия. – Всё сделаю, чтобы вам угодить! Но вы бы сказали мне, как это делается! Когда я буду собираться ко сну, представлю, что на моём месте – некто, сведущий в молитвах. В самом деле, пора мне научиться этому.

– Встаньте на колени, – немного смущённо сказала Марилла.

Энни встала на колени рядом с коленопреклонённой Мариллой и серьёзно взглянула на неё.

– Почему люди обязательно стоят на коленях, когда молятся? Если б я действительно собиралась помолиться, я бы вышла в чистое поле, одна; или ушла бы в глухой лес. А там я бы посмотрела в небо, высоко-высоко, в бездонную его голубизну. И тогда пришло бы ощущение готовности к молитве... Итак, что нужно говорить?

Смушение Мариллы ещё больше усилилось. Нужно было начинать с азов, с того, чему учат малышей: «И сейчас, когда я отхожу ко сну». Но иногда, как уже и отмечалось ранее, в ней проявлялось чувство юмора, которое, в общем, сродни ощущению полноты бытия. Вдруг ей стало ясно, что эта маленькая, веснушчатая грешница, страдавшая от дефицита воспоминаний розового детства и отлучённая от материнских колен, не чувствительна к господней любви, так как медиум человеческой любви никогда не передавал её этой девочке!

– Вы достаточно взрослая, Энни, чтобы помолиться за себя, – сказала она, в конце концов. – Поблагодарите Бога за всё, что он для вас делает, и смиренно просите о том, чего хотите.

– Постараюсь, – пообещала Энни, пряча своё лицо в подол Мариллиного платья. Милосердный Отец наш небесный, – кажется, так говорят в церкви священники, но и для приватной молитвы, думаю, подойдёт, – она на секунду замешкалась, поднимая голову вверх. – Милосердный Отец наш небесный, благодарю тебя за Белоснежный Путь восторга и за Озеро Сверкающих вод, и за Бонни, и за Снежную королеву. Я, в самом деле, так благодарна за них! Это – благоденствия, за которые я могу благодарить тебя сейчас, и... всё пока. А что касается желаемого, то всего сразу и не перечислишь, так что скажу о двух самых важных для меня вещах. Первое, Господи, помоги мне остаться в Грин Гейблз!! И, второе, Отче, – сделай меня красивой, когда я вырасту! Остаюсь преданная Вам, Энни Ширли!

– Ну как, я всё сделала правильно? – спросила она с жаром, поднимаясь с колен. – Могла бы и поречистей, но не было времени подготовиться.

Бедную Мариллу чуть удар не хватил на месте, но она почувствовала, что эта экстраординарная петиция была произнесена скорее по незнанию, нежели умышленно, с целью проявить непочтение. Нет, конечно, нет! Она уложила бедное дитя в кровать, твёрдо решив завтра же научить его молитвам, и уже покидала комнату, захватив с собой свечу, когда Энни вдруг окликнула её.

– Я только что подумала, что должна была сказать: «Аминь!», вместо «остаюсь преданная Вам!» как вы считаете? Ведь именно так заканчивают молитвы священники? Я чувствовала, что нужно поставить что-то в конце, но всё перезабыла, вот у меня и вырвалось... Вы думаете, здесь есть какая-то разница?

– Я? Нет, я так не думаю! – сказала Марилла и строго добавила: – А сейчас спать! Будьте хорошей девочкой! Доброй ночи!

– Сегодня я тоже могу сказать: «Доброй ночи!» Она ведь действительно – добрая! – произнесла Энни, сворачиваясь в клубочек эдаким тихим котёнком среди уютных подушек.

Марилла ушла на кухню, устойчиво поставила свечу на стол и воззрилась на брата.

– Мэтью Катберт, сейчас – самое время, чтобы кто-нибудь удочерил это дитя, которое на грани грехопадения. Можешь ли поверить, что она никогда не читала на ночь молитв? Завтра же отправлю её к пастору и возьму «Рассвет Дня», вот что я сделаю! И, как только я смастерю ей приличный наряд, она отправится в воскресную школу. Предвижу, что хлопот у меня будет «полон рот». Да, да, но невозможно жить в этом мире, не разделяя чьих-то забот! До сих пор я вела довольно-таки растительное существование, но теперь этому – конец: пришло моё время помогать другим! И я сделаю всё, что в моих силах!

Глава 8. Воспитательный процесс начинается

По причинам, хорошо известным лишь ей одной, Марилла не говорила Энни о том, что её оставляют в Грин Гейблз, до двенадцати следующего дня. Утром она надавала девочке всяких поручений и бдительно следила за тем, чтобы та их добросовестно выполняла. К полудню она решила, что Энни неплохо потрудилась и была послушной, проявляла рвение в работе и быстро всему училась. Её серьёзным недостатком оказалась тенденция впадать временами в мечтательное состояние, прямо в процессе работы, и забывать обо всём, пока её не возвращали к реальности замечание или разбитые тарелки...

Когда Энни вымыла посуду, она вдруг обратилась к Марилле с таким выражением на лице, что ясно было, что ничего хорошего в ответ девочка не надеется услышать. Её тоненькое тело всё дрожало с головы до пят; лицо вспыхнуло, а глаза расширились и стали совершенно чёрными от ужаса... Она до боли сжала пальцы и произнесла умоляющим тоном: «О, пожалуйста, мисс Катберт, не скажете ли вы мне сейчас, каково ваше решение? Вы оставляете меня или отправляете? Я всё утро старалась быть терпеливой, но чувствую, что уже не в состоянии терпеть дольше неведение. Это – ужасно! Пожалуйста, скажите мне всё!»

– Вы не отстирали ещё посудное полотенце в чистой горячей воде, как я просила вас, – безапелляционно сказала Марилла. – Ступайте и сделайте это, Энни! Все вопросы – после.

Энни бросилась исполнять задание и затем вернулась, чтобы вновь не отрывать умоляющего взгляда от лица Мариллы.

– Ну, – начала Марилла, не находя больше причин, чтобы оттягивать прямой ответ. – Полагаю, теперь нужно вам сказать. Мэтью и я решили оставить вас, при условии, что вы постараетесь стать хорошей и примерной девочкой. Что, детка, что стряслось?

– Я плачу, – сказала смущённо Энни. – Я и думать-то сейчас не в состоянии! Сама не помню себя от радости! Но радость, – не то слово! Я была рада, увидев Белоснежный Путь и цветение вишен, но это... Это больше, нежели просто радость! Я так счастлива! Постараюсь быть как можно лучше. Да, мне работы над собой – непочатый край. Миссис Томас всегда говорила, что я – страшно испорченная. Однако не надо же опускать руки! Но, не скажете ли вы мне, отчего я плачу?

– Это всё от возбуждения и от того, что вы извели самоё себя, – неодобрительно сказала Марилла. – Сядьте-ка в кресло и возьмите себя в руки. Боюсь, вы слишком легко то плачете, то смеётесь. Да, вы можете остаться с нами, и мы постараемся, чтобы вы исправились. Вы должны пойти в школу; однако до каникул – всего две недели, так что лучше было бы вам начать учиться с сентября.

– А как мне вас называть? – спросила Энни. – Должна ли я всегда обращаться к вам как к мисс Катберт? Могу ли я звать вас тётя Марилла?

– Нет, зовите меня просто Марилла. Меня всегда нервирует это «мисс Катберт».

– Но просто имя звучит как-то неуважительно, – запротестовала девочка.

– Если разговаривать со мной вы будете уважительно, то чего же неуважительного в самом имени? Всяк, и стар, и млад, называет меня просто Мариллой, за исключением священника. Вот он говорит: «Мисс Катберт».

– Я бы с удовольствием называла вас тётей Мариллой, – задумчиво сказала Энни. – У меня никогда не было тёти, да и каких-либо других родственников – тоже. Даже бабушки! Поэтому-то мне и кажется, что я уже принадлежу вам! Ну, можно мне называть вас тётей Мариллой?!

– Нет. Я не ваша тётя и не стоит награждать людей вымышленными именами!

– Но мы могли бы представить, что вы – моя тётушка.

– Не могу, – отрезала Марилла.

– Вы никогда не представляете себе вещей в ином свете, чем они есть? – спросила Энни, широко распахнув глаза.

– Нет!

– О, – Энни издала глубокий вздох. – Мисс... Марилла, как много вы теряете!

– Не доверяю игре воображения, столь далёкой от реальности, – возразила Марилла. – Когда Господь проводит нас через определённые обстоятельства, он ведь не требует от нас, чтобы мы впадали в иллюзии. Кстати, это всё кое о чём мне напомнило. Ступайте в гостиную, Энни, но только не наследите там и не впустите мух. Принесите мне с камина иллюстрированную «Господню Молитву». Своё свободное время сегодня вы посвятите изучению молитв наизусть. Вчера вы не произнесли ни одной из них.

– Полагаю, вчера всё это никуда не годилось, – как бы прося прощения, сказала Энни. – Но у меня... совсем не было практики. Тот, кто молится впервые и не знает толком, как это делается, уж точно наделает ошибок! До того, как лечь в постель, мне казалось, что у меня всё так замечательно получилось! Совсем, как у священников. Такая длинная и поэтичная молитва. Но, вы не поверите, проснувшись утром, я не вспомнила ни единого слова из неё! Боюсь, ничего лучше мне уже не сочинить. Почему-то всё начинает тускнеть, если останешься хоть на секунду, чтобы поразмыслить!.. А вы этого не замечали?

– Возьмите себе на заметку, Энни: когда я прошу вас о чём-нибудь, – подчиняйтесь, а не разглагольствуйте без конца. Просто пойдите и сделайте, что я сказала.

Энни умчалась в гостиную через холл, но почему-то долго не возвращалась; после десятиминутного ожидания, Марилла отложила вязание и отправилась на поиски пропавшей без вести, придав весьма мрачное выражение своему лицу. Она обнаружила девочку неподвижно стоящей у картины, висевшей на стене, между окнами. Руки она заложила за спину, голову опустила вниз, а в её глазах отражалась сама Мечта.

Зеленоватый свет струился с яблоневых деревьев и виноградной лозы, падая на маленькую, замершую с восторгом на лице девочку, создавая какое-то полужантасическое освещение.

– О чём вы думаете, Энни? – строго спросила Марилла.

Вздвигнув, Энни спустилась с небес на землю.

– Вот, – начала она, показывая на картину, – довольно жизненно выполненная литография: «Христос благословляет детей»... Я представила, будто я, вот та, одна из них, одиноко стоящая в углу девочка в голубом... Она очень грустна, вы не находите? Думаю, тоже сирота. Но она хочет, чтобы её благословил Господь, как и остальных, и тихонько приподнимается на цыпочки, стоя в стороне. Ей не нужно ничьё внимание, только – Его. Мне, может статься, знакомо это ощущение. Её сердце готово выскочить из груди, руки холодны, как лёд, – всё в точности, как когда я умоляла, чтобы мне позволили здесь остаться. О, как она боится, что Он не обратит на неё внимание. Но Он, конечно, обратил. Я пыталась представить себе, как потихоньку приближаюсь к нему... То есть, конечно, та девочка приближается! И Он смотрит на неё и кладёт ей свою руку на голову. Ах, какой трепет охватывает эту девочку при этом! Но жаль, что художник изобразил Его таким грустным. Почему-то все Его изображают с печалью на челе! Но тогда дети боялись бы подойти к Нему, если бы это было так!

– Энни, – строго сказала Марилла, удивляясь, почему она до сих пор не перебила девочку, – так нельзя говорить! Определённо, вы несёте какую-то ересь!

Энни взглянула на неё с изумлением.

– Но ведь я полна благоговения! И не допустила бы богохульства!

– Я и не говорю об этом, но не правильно рассуждать всуе о подобных вещах. И потом, Энни, когда я вас за чем-нибудь посылаю, сразу приносите это, а не впадайте в мечтание у картин! Ещё раз запомните это! Возьмите то, что я сказала, затем идите на кухню. Так! Теперь садитесь в уголок и выучите-ка молитвенник наизусть.

Энни поставила молитвенник напротив кувшина с ветками цветущей яблони, которыми она захотела украсить обеденный стол. Марилла покосилась на эту «декорацию», но ничего не сказала. Девочка опёрлась подбородком на руки и в течение нескольких минут внимательно и молчаливо изучала текст.

– Мне нравится, – в конце концов заявила она. – Так красиво звучит! И раньше я слышала это. Помню, как глава нашей приютской воскресной школы читал эту молитву однажды. Но тогда я не смогла проникнуться ею до конца. У него был такой хриплый голос, и читал он очень мрачно, как если бы молитва представляла собой тяжкую повинность... Это, конечно, не поэзия, но волнует никак не меньше, а, может, и больше: «Отче наш! Иже еси на небесах! Да святится имя Твоё!» Да, во всём этом словно звучит музыка. О, спасибо вам, мисс... Марилла, что вы научили меня этому!

– Ну, это ещё только начало. Учитесь и попридержите-ка язык, Энни! – коротко сказала Марилла.

Энни коснулась губами в лёгком поцелуе одного из розовых бутонов веточки яблони и продолжала прилежно учиться ещё некоторое время.

– Марилла, – вдруг спросила она, – как вы думаете, мне удастся найти здесь, в Эвонли, преданного друга?

– Кого-кого?.

– Ну, настоящего, друга, вернее, подругу, знаете ли, – родственную душу, которой я бы могла довериться вся целиком. Всю жизнь мечтала встретить такого человека! Я уже на это и не надеюсь, но столько моих заветных желаний осуществилось, что... кто знает? Думаете, это возможно?

– Диана Берри живёт в Очард Слоупе; она – ваша ровесница и хорошая, умненькая девочка. Может, она согласится поиграть с вами, когда вернётся домой. Сейчас она гостит у своей тётки. Но миссис Берри очень щепетильна в выборе друзей для дочки, имейте это в виду.

Энни с интересом смотрела на Мариллу.

– А какая эта Диана? Надеюсь, её волосы... не рыжие? Этого и врагу не пожелаешь, не то, что потенциальной лучшей подруге.

– Диана – красивая. У неё чёрные глаза, волосы, словно вороново крыло, и розовые щёчки. Но она не только хорошенькая, но и поступает хорошо и правильно, что ещё лучше!

Марилла читала мораль, как Герцогиня из «Алисы в стране чудес». Она считала, что без неё не должно обходиться ни единое замечание, когда воспитываешь ребёнка.

Но Энни непоследовательно оставила нравоучение в стороне и ухватилась за слова, сказанные о красоте:

– О, я просто счастлива, что она – хорошенькая! Если уж невозможно самой такую стать, замечательно иметь красивую подругу. Это – шаг красоте навстречу! У миссис Томас стоял книжный шкаф, который был совершенно пустой, потому что в нём не держали книг. Миссис Томас заполнила его полки своей любимой фарфоровой посудой. Там же помещались и банки с вареньем, когда таковое было. Одна из стеклянных дверец... э... разбилась, когда мистер Томас, как-то явившись домой навеселе, почувствовал приступы дурноты... Но другая дверца осталась цела, и я смотрелась в неё, представляя, что отражение – это не я, а другая девочка. Ей очень подходило имя Кати Морис. Мы очень подружились... Часами, по воскресеньям в особенности, я пускалась в рассказы о том, о сём. Катя вносила такой уют и комфорт в мою жизнь, примиряя меня с ней! Мы догадывались, что шкаф – заколдованный, и если произнести заклинание, он откроется, и я шагну прямо в комнату, где живёт моя подруга! А потом Катя Морис возьмёт меня за руку, и мы очутимся в замечательном месте, где много фей, цветов и солнечного света. И мы останемся там навсегда!. Когда пришлось перебраться к миссис Хаммонд, у меня чуть не разбилось сердце, так трудно было покинуть Катю... Она тоже страшно переживала, и при расставании мы поцеловались через стекло дверцы шкафа!.. А в доме мис-

сис Хаммонд такого шкафа не оказалось. Но зато вверх по течению реки, немного в стороне от нашего дома, я обнаружила зелёную долину вытянутой формы. В ней жило потрясающее Эхо... Оно повторяло каждое слово, даже если его произносили полусшёпотом. И Эхо было девочкой, по имени Виолетта. На самом деле, конечно, нет: я просто представляла себе, что это так! С Виолеттой мы тоже стали закадычными подружками, и я любила её почти также, как Катю Морис! Вечером, накануне дня отъезда я сообщила Виолетте, что покидаю те места, и крикнула: «До свидания! А в ответ я услышала грустное, прощальное эхо: «До свида-а-ния!». Привязанность моя к ней не позволяла мне ни мысли, ни даже игры воображения относительно того, что я смогу отыскать нового друга в приюте.

– Думаю, его там и не могло быть, – сухо заметила Марилла. – Знаете, Энни, я не слишком одобряю такое поведение. Кажется, вы наполовину признаёте все эти ваши фантазии за нечто реальное. Хорошо бы и в самом деле завести настоящую подругу, которая выбила бы из вашей головы весь этот вздор. Но только не рассказывайте миссис Берри все эти сказки о ваших Катях Морис и Виолеттах, иначе она может подумать, что вы не в себе.

– О, нет, нет! Никому не стану рассказывать: это слишком сокровенное... Но мне хотелось, чтобы вы знали об этом... Ой, смотрите, какой большой шмель вылетел из яблоневого цветка! Как же, наверное, уютно там, внутри!. «Фантазия прячется в дом, когда буря бушует кругом!». Если б я не могла стать девочкой, я хотела бы быть пчёлкой и жить среди цветов!

– Вчера вы мечтали о том, чтобы сделаться чайкой, – усмехнулась Марилла. – Вы что-то очень переменчивы! Я ведь просила выучить молитвенник, а не болтать ерунду! Но вас, видно, прорывает, стоит вам лишь отыскать слушателя. Поднимайтесь-ка в свою комнату и учите молитву!

– О, да я всё уже и так знаю, за исключением последней строчки!

– Ничего, ничего, действуйте, и всё будет в порядке! Поднимайтесь к себе и выучите как следует. Да, и оставайтесь в своей комнате, пока я не позову вас, помогать мне накрывать к чаю!

– А можно мне для компании взять с собой несколько веточек яблони? – взмолилась Энни.

– Нет. Вы же не собираетесь усеять всю квартиру цветами! И, вообще, не стоило рвать эти ветки!

– Я тоже после об этом подумала, – призналась Энни. – Нельзя укорачивать чью-то жизнь забавы ради. Если б я цвела, как яблоневый цвет, мне не очень-то хотелось бы, чтоб кто-то... сорвал меня! Но искушение оказалось превыше всего. И я не устояла! А что вы делаете в подобных случаях?

– Энни, я не стану больше повторять, чтобы вы отправились в свою комнату! – Энни вздохнула и, удалившись к себе, уселась в кресло у окна.

– Ну, теперь мне известна эта молитва... Последняя строчка сама отложилась в памяти, пока я поднималась по лестнице вверх. А теперь – время преобразить все вещи в этой комнате с помощью воображения. Итак, весь пол устлан белым, пушистым ковром с розочками, а на окнах – розовые шелковые занавески. Все стены обиты золотой и серебряной парчой, мебель – красного дерева... Никогда, правда, не приходилось видеть такую мебель, но, должно быть, она – роскошная. Так, что ещё? Ага... Значит, вот там стоит кушетка с грудой розового, голубого и малинового цветов, а я возлежу на ней! И я люблюсь своим отражением в том большом зеркале. Вижу себя высокой, изысканной, облачённой в белое кружевное платье со шлейфом; на моей груди – жемчужный крест, и в ушах – тоже жемчуга. Волосы мои – цвета полночной темноты, а кожа – слоновой кости. Зовут меня, конечно, леди Корделия Фитцджеральд. Нет, это всё – слишком чудесно, чтобы могло стать реальным в моём воображении.

Она, танцую, приблизилась к маленькому зеркальцу и в безумной надежде воззрилась на своё отражение. А оттуда на неё, в свою очередь, взглянули серьёзные серые глаза; веснушчатое личико «девочки в зеркале» казалось худым и осунувшимся.

«Да... Куда уж там, – Корделия: Энни из Грин Гейблз!. – искренне призналась она сама себе. – Сколько ни пытаюсь представить, что я – леди Корделия, – всё-то вижу Энни из Грин Гейблз. Хотя – это в миллион раз лучше, чем быть просто Энни ниоткуда!»

Она подалась вперёд и, с чувством поцеловав своё отражение, перебежала к окну.

– Ах, добрый день, Снежная Королева! Привет и вам, берёзки в лощине! Здравствуй, серый домик на холме!.. Станет ли Диана моей лучшей подругой? Надеюсь. И я буду очень любить её! Но я никогда не забуду Катю Морис и Виолетту. Иначе им стало бы так больно, а мне не хочется, чтобы из-за меня страдали, даже если это просто маленькая девочка-отражение или девочка-эхо. Их я всегда должна помнить и каждый день посылать им поцелуи.

С этими словами Энни поцеловала кончики пальцев, и воздушный поцелуй её полетел над вишнёвыми деревьями в загадочные дали. Затем она села в позе «мыслителя» у окна и погрузилась в бездонный океан мечтаний.

Глава 9. Миссис Линд приходит в ужас

Уж так случилось, что Энни пробыла в Грин Гейблз две недели, прежде, чем «ревизор в юбке», Рейчел Линд, явилась посмотреть на неё. Сказать по правде, миссис Линд никто бы не упрекнул за подобную отсрочку. Ужасный, необычайный для лета приступ гриппа надолго заточил почтенную леди в её доме. Миссис Линд обычно не поддавалась болезням и определённо презирала тех, кто это делал; но грипп не принадлежал к числу обычных болезней, а был не иначе как послан свыше. Как только доктор позволил ей встать на ноги, она поспешила прямо в Грин Гейблз, стораая от любопытства и томясь желанием скорее увидеть Мэтью, Мариллу и сиротку, о которой земля Эвонли уже наполнилась слухами.

Энни с пользой провела каждое мгновение этих двух недель. Она уже успела познакомиться со всеми деревьями и кустиками в окрестностях; а ещё обнаружила, что дорожка спускается в яблоневый сад, а поднимается к сплошной стене леса... Она теперь знала все её сюрпризы и причуды: изгибы ручейка и мосток, пихтовую рощицу и аркообразные дикие вишни, заросли папоротника и проходящие через кленово-рябиновый лесок тропинки.

Она подружилась и с тем «благовоспитанным» ручьём, который бежал по лощине. Ах, какой это уже был глубокий, чистый ручеёк с ледяной водой! Русло его укрепляли красные песчаниковые сланцы, а по берегам, словно маленькие пальмочки, росли водные папоротники. Через ручей был перекинут мост, сооружённый из брёвен.

Миновав его, Энни, словно на крыльях, мчалась дальше, на лесистую горку, где всегда царил полумрак под густыми елями и скоплениями папоротников. За исключением мириадов нежных июньских колокольчиков, этих скромных лесных цветов, да немногочисленных бледных звездчаток, здесь больше ничего не росло. Паутинки серебрились между деревьев, словно сети, а ветви елей, казалось, приветственно махали в знак дружбы.

Все эти увлекательные экспедиции предпринимались в те недолгие, получасовые паузы, которые ей отводились для игры; возвратившись, Энни всегда заговаривала Мэтью и Мариллу до полусмерти, живописуя свои открытия. Но Мэтью, казалось, это ничуть не беспокоило; он безмолвно вникал болтовне девочки с довольной улыбкой на лице. Марилла милостиво позволяла ей щебетать, пока не осознавала, что начинает слишком интересоваться «девочкиными сказками». Тогда она прерывала её довольно жёстко.

Энни как раз была в саду, когда миссис Линд возникла, словно из-под земли: она мужественно преодолевала стойкое сопротивление высокой, некошенной травы, на которую легли кровавые пятна заката... Рейчел Линд спешила в усадьбу «на всех парусах»: было о чём поговорить с Мариллой. Например, о том, какие боли и в каком именно месте пришлось ей испытать во время болезни. Казалось, почтенная леди получает большое удовольствие от рассказа про свои болячки, и Марилла уже стала подумывать, что перенесённый грипп принёс ей некоторое удовлетворение. Когда фонтан красноречия миссис Линд иссяк, она заговорила, наконец, об истинной причине своего визита.

– Мне довелось услышать некоторые ошеломляющие новости, касающиеся вас с Мэтью, – начала она.

– Но, полагаю, вы, дорогая, не более ошеломлены, чем я сама, – возразила Марилла. – Я всё ещё в состоянии лёгкого шока.

– Ужасно, что произошла эта ошибка, – голос миссис Линд был полон сочувствия. – Но разве нельзя отослать её обратно?

– Думаю, что, конечно, можно. Только мы решили не делать этого. Уж очень она понравилась Мэтью... И, должна признаться, – мне, в конечном счёте, тоже. Хотя у неё есть недостатки... Но, знаете ли, дом совершенно преобразился с тех пор, как она сюда приехала. Эта девочка вносит столько света в нашу жизнь!

Марилла сказала гораздо больше, чем следовало, но она давно наблюдала выражение неодобрения на лице своей собеседницы.

– Взваливаете на себя огромную ответственность, – мрачно заметила достойная леди. – Вы же оба – новички в деле воспитания детей, которых ни у одного из вас никогда не было! Вы ничего о ней не знаете, и о её нраве – тоже! И, вообще, что получится из подобного ребёнка? Но я, разумеется, не желаю вас обескураживать, Марилла.

– Я вовсе не обескуражена, – последовал весьма холодный ответ. – Когда берёшься за что-нибудь, – нужно доводить это до конца. Но, я думаю, вам не терпится увидеть Энни? Сейчас позову её!

Вскоре вбежала Энни, возвращавшаяся после странствий по садам и лесам. Лицо её, как всегда в подобных случаях, сияло восторгом. Неожиданное присутствие в доме незнакомой леди смутило её, и она робко остановилась в дверях. Как забавно и странно выглядела эта девочка в тесном, коротком платьишке из полушерсти, том самом, что было сшито ещё в приюте! Обильные веснушки ещё больше, чем когда-либо бросались в глаза, а видневшиеся из-под юбки тонкие ноги казались непропорционально длинными. Взъерошенные ветром волосы на непокрытой голове её лежали в живописном беспорядке. Рыжее, чем в тот момент, они никогда и не выглядели...

– Ну, вас взяли не за красивые глазки, уж это ясно, – прокомментировала появление Энни миссис Рейчел Линд. Почтенная леди принадлежала к значительному числу тех, кто безапелляционно выдаёт прямо в глаза людям то, что о них думает, и тем гордится: – Она такая тощая и невзрачнейшая, Марилла! Поди-ка сюда, детка, дай рассмотреть тебя получше! Батюшки, да у неё веснушки – в пол-лица, а волосы, как спелая морковь! Да подойдите же сюда, я сказала!

Энни и подошла, но не так, как рассчитывала миссис Линд. Одним прыжком она пересекла кухонный пол и остановилась перед своей обидчицей, вся красная от гнева, с дрожащими губами; вся её тоненькая фигурка, казалось, тряслась с головы до ног.

– Ненавижу вас! – задохнулась она от рыданий, топая по полу ногами. – Ненавижу-ненавижу-ненавижу!!! – Она как бы демонстрировала всю силу своей ненависти отчаянным «степом», если такое слово вообще уместно при данных обстоятельствах.

– Да как осмелились вы, назвать меня тощей и невзрачной, веснушчатой и рыжей?! Вы, – грубая, бестактная и бесчувственная женщина!

– Энни! – в ужасе воскликнула Марилла.

Но та продолжала наступать на миссис Линд, высоко подняв голову, с горящими, как уголья, глазами, с силой сжав пальцы рук. Негодование так и вырывалось из неё, как джин из бутылки...

– Как вы только осмелились сказать такое обо мне?! – с негодованием выпалила она снова. – А если б о вас так говорили? Как бы вам понравилось быть в глазах других «жирной», «рыхлой» и, вероятно, «лишённой всякого воображения»? И сейчас мне плевать на то, что я, возможно, причиняю вам боль! Я надеюсь, что причиняю! Никто и никогда до этого, даже пьяный вдрызг муженёк миссис Томас, не унижал меня так, как вы сегодня! И я никогда не прошу вас этого! Никогда, никогда!.

Снова Энни с силой затопала ногами, словно старалась отчеканить на поверхности пола всю свою ненависть.

– Ничего себе темперамент! – воскликнула потрясённая миссис Линд.

– Энни, прошу вас подняться к себе и оставаться там до моего прихода, – сказала Марилла, с трудом придавая голосу должную силу.

Энни, вся в слезах, ринулась через дверь, ведущую в холл, хлопнула ею так, что сочувственно звякнул колокольчик входной двери на крыльце. Подобно вихрю она промчалась через холл, вверх, по лестнице. Приглушённый удар двери наверху оповестил, что «буря» достигла цели: комнатки в восточном крыле...

– Ну, вам не позавидуешь, – сказала миссис Линд с неподражаемой серьёзностью. – Воспитывать такое!..

Марилла было разомкнула губы, чтобы сказать, что подобной выходке нет ни оправдания, ни извинения. То, что она произнесла тогда удивило её саму и продолжает удивлять до сих пор:

– Не надо было придирается к её внешности, Рейчел!

– Марилла Катберт, не хотите ли вы сказать, что поддерживаете её, разыгравшую здесь эту безобразную сцену на наших глазах? – оторопело спросила миссис Линд.

– Нет, – медленно произнесла Марилла, – я вовсе не одобряю этого. Она вела себя просто ужасно, и я выговорю ей за это. Ну её, допустим нельзя осуждать слишком строго: у неё не было учителей, чтобы подсказывать, что верно, а что – нет... Но вы-то, вы, Рейчел! Вы что-то слишком круто с ней.

Не успела Марилла завершить фразу, – хотя она и сама толком не представляла себе, как всё это сорвалось с её языка, – как миссис Линд поднялась с чувством оскорблённого достоинства.

– Ну, я чувствую, мне нужно быть осмотрительнее в этом доме, Марилла, где во главу угла ставятся «трепетные чувства» сироток, прибывших невесть откуда. О, я в порядке! Прошу, не утруждайте себя! Мне вас слишком жаль, чтобы ещё оставлять место в душе для гнева. Вам и так достанется от этого... ребёнка! Но мой совет, – впрочем, едва ли вы им воспользуетесь, несмотря на то, что я воспитывала десятерых детей и схоронила двоих: – поговорите-ка с ней на языке хорошей берёзовой розги! Думаю, для такого ребёнка это будет самый эффективный метод воспитания. Её характер вполне соответствует цвету волос! Ну, доброй ночи, Марилла. Надеюсь, вы по-прежнему станете бывать у меня, и не реже, чем обычно. Но не ждите, что я скоро нанесу вам визит, если я обязана выслушивать всё это и приходиться в шок от подобных выходок! Такого со мной ещё не случалось!

По окончании своего монолога, миссис Линд буквально выкатилась из дому. Да простит нам читатель это выражение по отношению к достойной грузной даме, которая всегда ходила, степенно переваливаясь, как утка. Марилла же, придав лицу серьёзное выражение, отправилась в комнатку Энни. По пути наверх она с трудом пыталась понять, что ей нужно делать. Она не то чтобы переживала лёгкий испуг после драматичной сцены, которая только что разыгралась. Но вот беда, что не перед кем-нибудь, а перед Рейчел Линд Энни обнаружила свой норов. Потом Марилла почувствовала вдруг прилив умиления и жалости к Энни, несмотря на весь этот безобразный нервный срыв. Но как же наказать бедного ребёнка! Дружеское предложение применить розги, – проверенный метод, об эффективности которого все дети миссис Линд могли бы дать детальный письменный отчёт, – не возымело действия на Мариллу. Нет, она не могла бить ребёнка! Значит, нужно изобрести иное наказание, чтобы дать понять ей, что поступок оказался «из ряда вон выходящим».

Она застала девочку горько рыдавшей навзрыд и лежавшей ничком на кровати; в забывчивости она сбросила грязную обувь на безупречно чистый пододеяльник.

– Энни, – начала Марилла не без сочувствия в голосе.

Ответа не последовало.

– Энни! – твёрдо сказала Марилла. – Поднимайтесь с постели сию минуту и послушайте, что я скажу вам!

Та нехотя подчинилась приказу Мариллы и хмуро уселась в кресло. Лицо её всё распухло от слёз; невидящий взгляд она вперила в пол.

– Ну вот, так-то лучше... Энни, вы не пришли в шок от своего собственного поведения?

– Никакого права она не имела называть меня рыжей и ужасной! – вызывающе заявила Энни, уклоняясь от ответа.

– А вы не имели права закатывать такую сцену, тем более – в её присутствии. Мне так хотелось, чтобы вы приветливо встретили миссис Рейчел Линд, а вместо этого вы меня опозорили... И почему вы вышли из себя, как только она сказала, что вы рыжеволосая и... э... ничем не примечательная? Разве вы не повторяете это самой себе сотни раз на дню?

– Да, но одно дело, когда ты сама себе это говоришь, и другое дело слышать то же самое от людей, – запричитала Энни – Всегда ведь надеешься, что то, что мы знаем о себе, остаётся тайной для всех остальных! А вы, конечно, решили, будто у меня – жуткий характер! Что же тут поделаешь? Когда она говорила все эти гадости, я вскипела, и плотину прорвало! Тут-то я и... набросилась на неё!

– Должна сказать, вы нашли себе хорошенькое оправдание! У миссис Линд теперь – готовый рассказ о вас, который она, уж поверьте мне, раструбит по всей округе. Это – ужасная ошибка, так сорваться!

– А вот представьте, что это про вас так говорят, будто вы тощая и... отвратительная! – слёзы снова начали душить Энни.

И Марилла вдруг вспомнила. Она была ещё совсем маленькой, когда случайно услышала, как одна женщина говорила другой: «Какая жалость, что она такая тёмненькая и неинтересная, бедняжка!» Речь шла о ней, о Марилле; но только когда ей перевалило за пятьдесят, вдруг всплыло это воспоминание.

– Я же не говорю, что миссис Линд была совсем права, когда высказывала всё это! – голос Мариллы заметно смягчился. – Рейчел слишком уж прямолинейна. Но это не оправдывает вас, Энни! Она старше, к тому же – пожилая леди и моя гостья. Уже этих трёх причин вполне достаточно, чтобы отнестись к миссис Линд с уважением. Вы проявили грубость и дерзость по отношению к этой почтенной леди, Энни!

Наказание само собою пришло на ум. Марилла приберегла его напоследок:

– Вы должны пойти к миссис Линд и сказать, что страшно сожалеете о случившемся... Просите, чтобы она простила вас!

– Не сделаю этого никогда, – мрачно и убеждённо заявила Энни. – Всё, что угодно, Марилла, только не это! Вы можете изобрести иной способ наказания: запереть меня в тёмном, сыром чулане, полном змей и жаб; посадить на хлеб и воду, – жалобы не последует!.. Но... я не могу просить миссис Линд, чтобы она простила меня!

– Мы не привыкли сажать людей в тёмные, сырые чуланы, – сухо заявила Марилла, – в особенности тех, кто не так давно в Эвонли... Но извиниться перед миссис Линд вы обязаны, Энни! Будете сидеть в своей комнате, пока не сочтёте нужным это сделать!

– Ну, так я останусь здесь навсегда, – печально сказала девочка. – Не могу сказать миссис Линд, что мне жаль, что всё так обернулось. Почему? Да потому, что мне и не жаль вовсе! Но вот чего мне действительно жаль, так это ставить вас в неловкое положение! А то, что ей я задала жару, – это меня даже радует. Получила огромное удовлетворение! Я же не могу говорить, что мне жаль, если на самом деле – как раз наоборот! Даже и представить не в состоянии, что я сожалею!

– Возможно, утром ваше воображение будет работать лучше, – сказала Марилла, поднимаясь для того, чтобы уйти. – Надеюсь, ночи окажется достаточно для размышлений о вашем поведении и его изменении. Вы обещали стать очень хорошей девочкой, если останетесь с нами в Грин Гейблз. Ну вот, вы остались, – и что же? Ваше поведение едва ли назовёшь примерным!

Пуская в ход эту «парфянскую стрелу», пронзившую самое и без того готовое разорваться сердце Энни, Марилла спустилась на кухню. Она была обеспокоена в душе и сердита на себя ничуть не меньше, чем на Энни. Ибо когда миссис Линд беззвучно шевелила губами, застыв в глубоком изумлении, Марилла с трудом преодолевала смех...

Глава 10. Энни приносит извинения

Марилла не сочла нужным сообщать Мэтью о случившемся, но так как утром Энни ни на йоту не изменила своей тактики, пришлось объяснить ему причину отсутствия девочки за завтраком. Марилла рассказала брату всю историю целиком, расставляя акценты на страданиях Энни, которые накопились и не замедлили выплеснуться наружу...

– Ну и хорошо, что Рейчел Линд смотала удочки! Надоедливая старая болтунья, – чуть ли не одобрительно сказал Мэтью.

– Мэтью Катберт, вы меня удивляете! Ты же прекрасно знаешь, что Энни вела себя безобразно. И ещё встаёшь на её сторону! Может, ещё заявишь, что её и наказывать-то не стоит?

– Ну, знаешь, не совсем так... – медленно произнёс Мэтью. – Нужно бы наказать, только самую малость! Но не переборщи, Марилла. Вспомни, что никто не учил её, что такое «хорошо» и что такое «плохо»! Слушай, а ты... э... собираешься накормить эту бедолажку?

– Ты помнишь хоть один случай, когда я заставляла умереть с голоду ребёнка... с хорошими манерами? – возмутилась Марилла. – Она свою еду получит! Сама регулярно буду носить ей наверх. Но Энни останется «в заточении» до тех пор, пока не выразит желания принести свои извинения миссис Линд. И это – окончательно и бесповоротно, Мэтью.

Завтрак, обед и ужин прошли в тишине: затворница всё ещё упрямылась. После каждой еды Марилла уносила весь загромождённый едой поднос в комнатку в восточном крыле, а позднее забирала его обратно, почти нетронутый. Мэтью обеспокоенно осматривал его каждый раз, сомневаясь, что девочка вообще притрагивалась к пище.

Когда Марилла отправилась вечером на дальнее пастбище, чтобы пригнать домой коров, Мэтью, который разрывался между хозяйственными делами и созерцанием «девочкиных подносов» с едой, проскользнул в дом, словно заправский грабитель. Обычно он всегда курсировал между кухней и небольшой комнатой через холл – своей спальней. Впрочем, однажды он мужественно снёс весь конфуз, ёрзая на стуле в гостиной, когда пастор приходил к чаю. Но с тех пор, как он весной четыре года назад помог Марилле привести в порядок стены пустовавшей спальни, наверх Мэтью не поднимался.

Он потоптался немного в холле и, прокравшись на цыпочках в восточное крыло, постоял с минуту около двери, чтобы собраться с духом; затем постучал тихонько, одними кончиками пальцев, и заглянул в комнату.

Энни сидела на жёлтом стуле возле окна и печально смотрела в сад. Она выглядела такой маленькой и несчастной, что у Мэтью защемило сердце. Он осторожно затворил за собою дверь и потихоньку приблизился к ней.

– Энни, – прошептал он, словно опасаясь, что их могут подслушать, – ну, как вы?

Девочка едва заметно растянула губы в улыбке:

– Неплохо. Я тренирую воображение, и это помогает проводить здесь время. Конечно, скучновато. Но, быть может, я привыкну.

Энни снова слабо улыбнулась, представляя долгие годы заключения в этой псевдокамере-одиночке.

Мэтью подумал, что терять времени нельзя, иначе может вернуться Марилла.

– Ну, Энни, не пора ли покончить разом со всем этим? – прошептал он. – Рано или поздно всё равно это придётся сделать. Вы знаете, характер у Мариллы – точно кремьень. Её ничем не прошибёшь. Вы слышите, – ничем! Так отмучайтесь от этого поскорей! Прямо сейчас!

– Вы имеете в виду, что нужно извиниться перед миссис Линд?

– Да, нужно... Это я и хотел сказать! – с жаром продолжал Мэтью. – Исправьте поскорее свою... э... промашку. К чему я и клоню!

– Чтобы угодить вам я, пожалуй, это сделаю! – в раздумии сказала Энни. – А вообще-то сейчас уже можно сказать, что мне действительно жаль, что всё так вышло. Но мне ни капельки не было стыдно вчера, потому что я была вне себя от злости. И в таком состоянии я пребывала всю ночь. Я это точно знаю, потому что три раза просыпалась, и каждый раз меня одолевала очередной приступ бешенства. Но утром всё кончилось. Я перестала кипятиться, но в то же время почувствовала сильнейший упадок сил. Мне стало так стыдно за вчерашнее! Но так трудно даже подумать о том, что надо идти и просить прощения у миссис Линд! Это так унижительно! Может уж, лучше сидеть вот так взаперти до скончания века?... Но... я готова всё сделать для вас! Если вы действительно хотите этого, то...

– Ну, конечно же, хочу! Там, внизу, так скучно без вас, Энни! Будьте же умницей: покончите со всей этой историей одним махом.

– Очень хорошо, – сказала Энни, – пожалуй, я сделаю это. Как только вернется Марилла, сообщу ей, что покоряюсь.

– Вот и правильно, вот и славно, Энни! Только не говорите Марилле, что я беседовал с вами. Она еще подумает, что я вмешиваюсь, а ведь обещал этого не делать!

– «И дикая лошадь не узнает нашего секрета!» – торжественно заверила его Энни. – А как вообще дикие лошади могут узнавать чьи-либо секреты?!

Но Мэтью уже ретировался, перепуганный своим неожиданным успехом. Он быстро сбежал в самый удаленный уголок пастбища, чтобы Марилла, не ровен час, не заподозрила, что он был наверху. Марилла же, по возвращении домой, приятно удивилась, услышав жалобный голосок сверху, зовущий ее по имени.

– Ну? – громко спросила она, проходя в холл.

– Мне жаль, что я вышла из себя и наговорила кучу колкостей. Хочу принести свои извинения миссис Линд.

– Отлично! – Марилла ничем не выдала того облегчения, которое испытала при этих словах девочки. Она уже подумывала над тем, что же ей, в конце концов, делать, если Энни продолжит упорствовать. – Сейчас подою коров и выпущу вас.

Аккурат после доения Марилла и Энни шагали по дорожке, первая – триумфально, а вторая – подавленно. Но на середине спуска с холма, от подавленности Энни, словно по мановению волшебной палочки, не осталось и следа. Она приосанилась, подняла голову и ступала легко, заглядываясь на закатное небо и ощущая дрожание воздуха вокруг себя. Марилла без особого одобрения подметила происшедшую с девочкой метаморфозу. Куда-то исчез имидж «раскаявшейся грешницы», который как нельзя более подходил для того, чтобы предстать пред очами разобиженной миссис Линд.

– О чем это вы думаете, Энни? – спросила она резко.

– Готовлю речь для миссис Линд, – мечтательно ответила та.

Что же, ответ, казалось, вполне устраивал Мариллу. Однако, она никак не могла отделаться от ощущения, будто что-то в ее методе воспитания дало осечку. Почему это Энни вдруг стала выглядеть такой беззаботной и сияющей? И такой Энни оставалась вплоть до тех пор, пока не оказалась в непосредственной близости от миссис Линд, занимавшейся рукоделием у кухонного окна. В тот момент ее «сияние» потускнело, и на лице появилось выражение скорби и раскаяния. Едва изумленная миссис Линд успела открыть рот, как Энни вдруг упала перед ней на колени и сложила руки в умоляющем жесте.

– О, миссис Линд, я так сожалею, так сожалею! – пролепетала она. – Не могла бы выразить всего своего раскаяния даже с помощью энциклопедического словаря! Вы просто представьте его себе. О, как гнусно я обошлась с вами. Я так опозорила своих дорогих друзей, позволивших мне остаться в Грин Гейблз, хотя я и не мальчик. Я – слабая и неблагодарная девчонка! И меня не следует пускать отныне в приличное общество... И отчего я «спустила собак»? Ведь вы сказали мне чистейшую правду! Все – правда; все, до единого слова! Мои волосы – рыжие, я

вся в веснушках и тощая, как спичка и... отвратительная! И то, что я сказала вам – тоже правда; но мне не следовало этого говорить... О, миссис Линд, прошу, умоляю вас простить меня! Если вы откажетесь, то страданию моему не будет конца до гроба! Вы же не станете мучить бедную сироту, хоть у нее и жуткий характер? О, уверена, вы этого не допустите! Пожалуйста, скажите, что вы прощаете меня, о, миссис Линд!

Энни сцепила пальцы рук и склоня голову, ждала приговора. Невозможно было усомниться в ее искренности, которая сквозила в интонациях голоса. И Марилла, и миссис Линд распознали этот верный признак. Но первая с испугом вдруг почувствовала, что Энни получает удовольствие в «долине уничижения»; и тем больше наслаждение, чем сильнее было «самобичевание». Какова же оказалась, в конечном счете, польза «справедливого наказания», придуманного ею, Мариллой? Она ведь очень гордилась этой идеей! А Энни разнесла ее по кусочкам, и все превратила в удовольствие...

Не искушенная в подобных вещах миссис Линд ничего не заметила. Она лишь отметила про себя, что девочка вполне раскаялась, и все возмущение было немедленно вытеснено из нее, в сущности незлобливое сердце. Нет, она злой никогда не была, а вот назойливой – ну, разве что иногда!

– Ладно, ладно, вставай, детка! – тепло сказала она. – Ну, разумеется, я прощаю вас! Да и я, надо сказать, перегнула палку! Но я ведь всегда слишком прямолинейна! Не обращайтесь внимание, вот и все! Никто не станет отрицать, что ваши волосы – абсолютно рыжие; но я знавала одну девочку, чьи волосы были точно такого же цвета. Ходила в школу когда-то вместе с ней! Так вот, когда она выросла, ее волосы приобрели приятный каштановый цвет! Ни на мгновение не сомневаюсь, что и с вашими произойдет нечто подобное!

– О, миссис Линд! – Энни набрала в легкие воздух, поднимаясь с колен. – Вы даете мне надежду! Вы – благодетельница! О, все смогу вынести, будь я уверена, что они со временем станут каштановыми! Тем, у кого красивые каштановые волосы, легче быть хорошими, не правда ли? А теперь можно мне пойти в ваш сад и посидеть под яблоньками, пока вы с Мариллой будете разговаривать? Какое там раздолье для полета фантазии!

– О, боже, да конечно же! Идите, побегайте, детка! Можете нарвать букетик белых июньских лилий, если хотите! Они там, в уголке сада!

Стоило лишь двери захлопнуться за Энни, как миссис Линд проворно встала и зажгла лампу.

– Что за странная девочка, Марилла! Возьмите-ка лучше вот этот стул: он удобнее, чем тот, который вы берете. На том обычно отдыхает мальчишка-поденщик. Да, она, конечно, – очень странный ребенок, но как мило с вашей стороны, что вы приютили ее! Я ничуть об этом не сожалею больше! Да, ее можно воспитать!.. Конечно, у нее своеобразная манера выражаться. Э... немного экспрессивная, что ли! Но она непременно с этим справится, если останется жить среди нормальных, цивилизованных людей! Да, темперамент у нее непредсказуемый: то вспыхивает, как вулкан, то затихает. В этом, вообще, тоже есть свои плюсы. Например, такие дети предпочитают не лицемерить и они не предадут. Отгородите меня от лживых детей! Вот это – настоящая напасть! Так что, Марилла, она мне начинает нравиться!

Когда Марилла собралась домой, явилась Энни из благоухавших сумерек и принесла с собою букет белых нарциссов.

– А неплохо все прошло? – важно спросила девочка, когда они возвращались по дорожке из ложины. – Я подумала, что уж если делать это, то все должно выглядеть красиво!

– Да, вы все сделали так, как нужно, – прокомментировала Марилла. Она поймала себя на том, что ей очень хотелось рассмеяться и во время этого «представления». И еще. Ей не терпелось разбранить Энни за то, что все прошло уж слишком хорошо. Но это было бы уже нелепо! Она ограничилась тем, что строго сказала: «Надеюсь, вам не придется извиняться слишком часто! Старайтесь контролировать свой темперамент!»

– Это не составит особого труда, если люди перестанут попрекать меня моими внешними данными, – вздохнув, сказала Энни. – А от других вещей я попросту не завожусь!.. Но цвет волос – это, увы, мое «больное место», и я моментально вскипаю, а вы можете допустить, что они, когда я вырасту, станут прекрасного каштанового цвета?!

– Ну, не нужно так много думать о своей внешности, Энни. Вы же не какая-нибудь пустышка, ведь так?

– Нет, не пустышка, но я – «гадкий утенок», – вздохнула Энни. – А я так люблю все красивое! Поэтому, терпеть не могу смотреться в зеркало и видеть свое «невзрачное» отражение. И мне себя жаль; я испытываю жалость ко всему, что не обладает красотой!

– Встречают по одежке, провожают по уму, – буркнула Марилла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.